

Евгений Шварц

Повесть о молодых супругах

Действующие лица

Маруся Орлова.

Сережа Орлов.

Ольга Ивановна.

Шурочка.

Леня.

Никанор Никанорович.

Юрик.

Миша.

Валя.

Гардеробщик.

Ширяев.

Кукла.

Медвежонок.

Действие первое

Картина первая

Перед зрителями огромный листок отрывного календаря. На нем число: 30 апреля. Когда он исчезает, мы видим просторную комнату. Два письменных стола один большой, другой маленький. Стулья. Кресло. Диван. Все новенькое, – дерево так и сверкает на солнце свежей полировкой. Два окна. Дверь, ведущая в коридор. На переднем плане – этажерка. На вершуре этажерки восседают две огромные игрушки: дорогие, старые, находящиеся в отличной сохранности **кукла** и **медвежонок**.

Когда занавес открывается, на сцене пусто. Раздается едва слышная музыка, словно играет музыкальный ящик.

Но вот простенькая музыка становится сложней и слышней, и дорогие, старые игрушки – оживают. И поворачивают головы к публике. И начинают говорить самыми обыкновенными, не кукольными, не детскими, а живыми человеческими голосами.

Кукла. Куклы разговаривать не умеют.

Медвежонок. Не умеют, хотите верьте, хотите нет. Ни словечка не выговорить, хоть ревя реви.

Кукла. А нам есть что рассказать, дети. Нам почти по сто лет. И столько мы перевидали...

Медвежонок. Столько перенесли – ух! И радовался-то я, бывало, с людьми, и так горевал, словно с меня с живого плюш спарывали!

Кукла. Ужасно, ужасно нам, старикам, хорошеньким, полным сил, нарядным, хочется поучить молодых.

Медвежонок. А возможности нет... Не услышат.

Кукла. Ни за что не услышат, словно мы старые люди, а не куклы.

Медвежонок. Еще подари нас детям – оно бы и ничего. А нас возьми да и подари молодым супругам.

Кукла. Беспомощные, слепые, счастливые.

Медвежонок. И знать не знают о том, что жить вместе – целая наука.

Кукла. Еще жена тревожится...

Медвежонок. А муж, такой-сякой, только зубы скалит – радуется.

Кукла. Конечно, может быть, все пойдет у них чистенько, гладенько, аккуратненько...

Медвежонок. А только навряд ли... Люди все-таки, а не куклы! Народ нетерпеливый, страстный, требовательный.

Кукла. Я фарфоровая, у меня ротик маленький, деликатный, не знаю, как это сказать... Нет зрелища радостней, чем счастье, и нет досаднее, чем когда живая и здоровая семейная жизнь разбивается на кусочки...

Медвежонок. По неловкости, по неумению, по молодости лет.

Кукла. Ах, как хочется учить!

Медвежонок. И никто не хочет учиться. Что делать?

Кукла. Споем с горя.

Поют.

В доме восемь на Сенной

Поселились муж с женой...

Человеческие голоса, шаги. Куклы замирают, как неживые.

В комнату входит не спеша **Ольга Ивановна**, пожилая, седая, худощавая женщина.

Оглядывается внимательно и сосредоточенно, осматривает комнату.

Ее сопровождает хозяйка квартиры, очень молоденькая, почти девочка, **Маруся**

Орлова. У них нет ничего общего в наружности, но угадывается какое-то едва заметное сходство в сдержанной манере держаться, в речи, спокойной и простой.

Ольга Ивановна. Хорошо, Все разумно. Все с любовью обставлено.

И без претензий. Здесь ты и занимаешься?

Маруся. Здесь. Сережа за своим столом или за чертежной доской. А я за своим.

У него большой стол, у меня маленький. Сережа говорит: будто детеныш.

Мой столик.

Ольга Ивановна. Так. Понимаю. Все хорошо, Илютина. Чего ты смеешься?

Маруся. Ольга Ивановна, я теперь не Илютина, я теперь Орлова.

Ольга Ивановна. Не сердись. Не привыкла я еще. Всего месяц ведь ты замужем.

Маруся. И три дня. Месяц и три дня.

Ольга Ивановна. Месяц и три дня. Хорошо, Орлова. Хорошо, Маруся. Ну а теперь говори – зачем ты вызвала меня открыткой? Что случилось?

Маруся. Ольга Ивановна, простите меня – ничего. Но ведь – сколько я себя помню – ближе вас никого у меня не было. Чуть, бывало, ушибусь – я все к вам... (Поднимает руки, словно собирается обнять Ольгу Ивановну, и опускает.) Все к вам, бывало, бегу утешения искать... А теперь, когда мне хорошо, – кому же рассказать, кроме вас?

Ольга Ивановна. Спасибо, Илютина. То есть Маруся. Откуда у тебя такие дорогие игрушки?

Маруся. Никанор Никанорович подарил. Начальник проектного бюро и Сережин начальник. Пришел он к нам такой строгий, как экзаменатор.

Ольга Ивановна. Ну, и принял зачет?

Маруся. Ничего не сказал. А на другой день явился с огромным свертком и говорит: «Мария Николаевна!» Это я – Мария Николаевна. «В нашей, говорит, семье эти игрушки живут лет, наверное, девяносто. Переходят от матери к дочке. А я, последний в семье, как нарочно – мальчик. И дочерью не обзавелся в свое время. Примите, говорит, в качестве свадебного подарка, говорят. Одна только просьба – беседуйте с ними каждый день, как с живыми. Они у меня так приучены, Мария Николаевна».

Ольга Ивановна. И ты выполняешь просьбу?

Маруся. Да.

Ольга Ивановна. А они отвечают?

Маруся. Пока нет.

Ольга Ивановна. Жалко.

Маруся. Сдержанные...

Ольга Ивановна. До свидания, Маруся. До свидания, моя дорогая Мария Николаевна! Вот и дождала я до того, что тебя по отчеству зовут. До свидания.

Маруся. Побудьте.

Ольга Ивановна. Не могу. Меня в роно ждут. (Идет к двери. Останавливается.) До свидания, еще раз.

Маруся. До свидания, Ольга Ивановна.

Идут к двери.

Ольга Ивановна! Побудьте! Я не только для того позвала вас, чтобы сказать, как мне хорошо. Мне так хорошо, что даже страшно. Вот в чем дело-то. Я спокойно говорю, я не жалею, а даже, ну что ли, восхищаюсь своей жизнью, Ольга Ивановна, но только мне до того хорошо, что даже страшно. Вы меня вырастили! Вы, вы! Я знаю! Вы старались, чтобы никто не замечал, что любите меня больше всех ребят

в интернате. Но любили меня больше всех. Лишний раз не позволяли приласкаться, но с тех пор, как пришла открытка, что мама и папа погибли, вы стали мне самый близкий человек на свете. (Обнимает ее, плачет и смеется.) Теперь можно, теперь мы не в детском доме, теперь я стала Мария Николаевна, никто не осудит за несправедливость, – поцелуйте меня. И побудьте еще немножко.

Ольга Ивановна. Хорошо. Побуду. Почему тебе страшно?

Маруся. Ольга Ивановна, что со мной? Я не знаю. Люди разве глупеют от любви? А я поглупела. Честное слово. Стала какая-то непростая.

Ольга Ивановна. Ссоритесь?

Маруся. Нет, как можно, никогда, что вы! Но, например, могу я над каким-нибудь его словечком одним думать целый день – и на лекции, я в лаборатории. Есть такие слова, которым радуюсь целыми днями. Но бывают такие, от которых холодею. Умом знаю, что пустяк, а чувствами... Ольга Ивановна, отчего я не узнаю себя? Отчего меня будто подменяли? Что же я теперь какая-то зависимая?

Длинный звонок.

Ольга Ивановна. Сережа пришел?

Маруся. Нет, у него ключ. (Выбегает из комнаты.)

Ольга Ивановна (куклам). Ну, дети? Что скажете? У вас должен быть ответ. Не маленькие, по девяносто лет вам, крошкам. Сколько семей перевидали? Восседаете важно, словно комиссия. Пришли принимать новую семью – а конкретной помощи никакой.

Маруся возвращается.

Маруся. Шурочка. Соседка. С нашей площадки. Мужу позвонить на завод. Ольга Ивановна, вы меня поймите, я не жалуясь. Вот я говорю: стала я зависимая. Вы не подумайте, что от мужа. Этого нет. Стала я зависимой от новых своих, ну что ли, чувств. Что же со мной будет? (Смеется и вытирает слезы.) Вы не придавайте значения, Ольга Ивановна. Это я от радости, не знаю, что делать. Боюсь я за свое счастье. Неопытная я.

Ольга Ивановна. Понимаю. Когда эвакуировались мы из Ленинграда, тебе только что исполнилось пять лет. И выросла ты в большом коллективе, в детском доме. Так? Потом общежитие университетское, университет – еще больший коллектив. Верно? И вот вдруг попадаешь ты в самый маленький коллектив на свете. Муж и жена. И повредить этому самому крошечному коллективу легко, как ребенку, особенно в первый год. Жить вместе, вдвоем – это целая наука. А кто научит?

Маруся. Вот и я говорю.

Ольга Ивановна. Хорошо уж то, что ты беспокоишься. Все будет хорошо.

Маруся. Вы правда так думаете?

Ольга Ивановна. Все будет хорошо. Чехов в каком-то из писем говорит: в семейной жизни главное – терпение.

Возглас за дверью: «Как, как он говорит?»

Прежде чем Ольга Ивановна успевает ответить, в комнату вбегает женщина лет двадцати пяти, очень здоровая, пышущая силой, заботливо одетая, с вечной завивкой. Это **Шурочка**. Она протягивает руку Ольге Ивановне.

Шурочка. Шура или Шурочка, как хотите называйте, но только не бейте.

Я поправляла шпильку у зеркала и услышала. Простите, что я так вмешиваюсь в ваш разговор. Этого я допустить не могу. Терпение. С какой же стати мне терпеть? Что я сделала, чтобы терпеть? Почему мы должны терпеть? Вы, конечно, не знаете, как я живу. Но вот вам факт: я сегодня работаю в вечерней смене, а он в утренней. Поспешите, чтобы хоть слово жене сказать, – так нет! Звоню в цех он в библиотеку ушел. И я это должна терпеть? Почему после смены как зарезанная я бросаюсь в трамвай с передней площадки: пожалуйста, пусть скандалят, только бы скорей домой. Я вам так скажу... простите, не знаю имени-отчества.

Маруся. Ольга Ивановна.

Шурочка. Простите, Ольга Ивановна, но только Чехов пошутил, наверное, – у него много смешного. Когда мне мой Миша читал вслух, так я хохотала как убитая. «В семейной жизни главное – терпение». Ха-ха-ха! С ним попробуй потерпи. С моим Мишей. Дойдешь до того, что останемся мы с Майей, с дочкой моей, одни, как дуры. Нет!

Маруся. Шурочка, ну что жаловаться-то? Такого, как Миша, поищи!

Шурочка. Одни обиды от него.

Маруся. Иду я вчера, Ольга Ивановна, по нашей улице, а Шурочка с Мишей впереди. Он говорит ей что-то, едва-едва слышно. А Шурочка ему: «Не ори на меня! Не ори на меня!»

Шурочка со смехом бросается обнимать Марусю.

Шурочка. Верно! Сказала – как напечатала! Он шепчет, а я ему: «Не ори!» Потому что шептал он с раздражением... Ах ты Господи! Глупы мы, бабы, конечно. Всего нам мало. Почему это, Ольга Ивановна? Почему; зайдешь в ДЛТ – мужья шагают тихо, спокойно, а жены все больше как обиженные? И на улице прислушайтесь – кто кого пилит? Все больше жены мужей. Он идет, насупился, а она ворчит как безумная. Почему?

Ольга Ивановна. Не знаю, Шура.

Шурочка. А я знаю: потому что мы больше любим. Они отвлекаются, а мы не отвлекаемся. Все на них косимся, за них держимся. У них тысячи забот, а у нас...

Маруся. Ты же на всю фабрику знаменитая ткачиха.

Шурочка. Не об этом толк. Мой Миша... А ну его... Что это мы все о мужчинах да о мужчинах, как дети, Ольга Ивановна! Это вы Марусина воспитательница?

Ольга Ивановна. Она вам рассказывала обо мне?

Шурочка. Не беспокойтесь, я выспросила. Если я кого люблю, хочу о них все знать.

Ольга Ивановна. Я, Шурочка, действительно Марусина воспитательница. И вот пришла взглянуть, как налаживается ее жизнь.

Шурочка (убежденно). Хорошо налаживается. Поверьте мне, у Маруси характер не такой огненный, как у меня.

Ольга Ивановна. Или, попросту сказать, не такой нетерпеливый.

Шурочка. Ольга Ивановна! Это под мышкой можно температуру измерить, а в душе не измерите! Такой или сякой, но у меня характер неудержимый, а Маруся добрая.

Это первое. А второе – Сережа не из тех мужчин, что женятся. Верно, верно!

Не смотрите на меня, как будто я несу сама не знаю что. Я знаю, что говорю! Уж если такой мужчина, как Сережа, женился – значит, полюбил. Отказался от вольной воли – значит, любит. Если самостоятельный мужчина женился – значит, твердо.

Он уже всякого повидал, его обратно на волю не потянет. А за такими тихими, как мой Миша, только присматривай! Да что это мы все о мужчинах да о мужчинах, как маленькие, Ольга Ивановна! Что бы мне почитать о семейной жизни?

Ольга Ивановна. Поговорим. Только не сейчас. Мне нужно в роно.

Шурочка. Ох! А у меня там Майечка бедная одна в квартире! Простите, если что наговорила лишнего. До свидания, Маруся, до свидания, родная. До сих пор не могу нарадоваться, что такая соседка у меня завелась. До свидания, Ольга Ивановна, простите, если не так! (Убегает.)

Ольга Ивановна. Ну вот, Илютина... То есть Мария Николаевна. Тебя уже полюбили тут.

Маруся. Эта Шурочка – открытая душа.

Ольга Ивановна. Я рада, что побывала. Издали многое чудилось, особенно в сумерки, после уроков, или ночью, когда не спится, а в голову лезут одни печальные мысли, как будто веселые уснули вместе со всеми добрыми людьми. А пришла – и ничего. Живем. (Целует Марусю.) До свидания. Все. Теперь я буду у вас бывать.

Маруся. Непременно! Ольга Ивановна, как можно чаще. Я с вами – умнее.

Выходят. Стук запираемой двери, и **Маруся** возвращается. Улыбаясь, подходит к куклам.

Вот, дети, какая я стала. Ольгу Ивановну побеспокоила. И зачем? Только для того, чтобы поговорить. И поговорила! Вот что удивительно. Все посмела сказать, до Сережиного прихода. Сережа. Слышите, дети? Сережа уже едет домой. Сидит в трамвае, смотрит в окно и думает: скорей, скорей. А я его жду. И все ушли. Первый

вечер наш, полностью. Он обещал освободиться. А что он сказал, то и сделает, – вон он какой у меня, дети. И никого у нас нет.

Звонок.

Сглазила.

Выбегает из комнаты и возвращается с **Никанором Никаноровиче**. и **Леней**.

Никанору Никаноровичу лет под шестьдесят, но ни в фигуре, ни во всей повадке нет еще признаков старости. Он в отличном пальто, в руках шляпа. Леня стройный, очень мягкий в движениях, с мягким голосом, человек лет тридцати.

Леня. Простите, Маруся.

Никанор Никанорович. Мария Николаевна.

Леня. Простите, что врываемся так внезапно, словно пришли счетчик проверить или телеграмму принесли. Мы, Маруся...

Никанор Никанорович. Мария Николаевна, вам говорят!

Леня. Мы к вам на одну минутку.

Никанор Никанорович. Что не снимает с нас обязанности сказать: здравствуйте, Мария Николаевна.

Маруся. Здравствуйте, Никанор Никанорович. И вы, Леня. Раздевайтесь, посидите! Сережа звонил из управления, что уже выехал.

Леня. Не можем мы раздеться. Мы загубили свое будущее.

Маруся. Как так?

Леня. Никанор Никанорович взял билеты в театр. Придется идти. Весна. Ждешь, что случится что-нибудь неожиданное. Так славно было бы пойти по улице куда глаза глядят, свободно, без цели. А теперь изволь в театре сидеть. А что в театре может случиться неожиданного?

Маруся. А вы убегите!

Никанор Никанорович. От меня не убежишь! Запомните: если у человека имя необычное и такое же отчество – следовательно, он из семьи упрямых людей.

Леня. А у нашего дорогого начальника еще и имя и отчество начинаются с отрицания: Никанор Никанорович. Поди поспорь.

Никанор Никанорович. Сидели на работе – разговаривали как люди.

Шли по улице – тоже разговаривали серьезно. А вошли к вам – и подшучиваем друг над другом, как мальчишки. Значит, стесняемся. Или попросту уважаем вас, Мария Николаевна, хоть мы и старшие. Запомните это. Мы вот по какому делу. После того как Сережа уже уехал в управление, нам звонили из Москвы.

Маруся. О Сережином проекте?

Никанор Никанорович. Да. Он...

Леня. То есть проект...

Никанор Никанорович. ...прошел сегодня первую инстанцию. Это, в сущности, определяет дело. Завтра – окончательное решение.

Леня. Которое несомненно будет положительным. Вот и все. До свидания, Маруся.

Маруся. А может быть, подождете?

Никанор Никанорович. Не искушайте. Леня, в путь.

Леня. До свидания, Маруся.

Никанор Никанорович. Не провожайте нас, а то я рассержусь. Мы сами захлопнем дверь! До свидания, Мария Николаевна.

Уходят.

Маруся. (куклам). Ушли. Дети, неужели я – Мария Николаевна? Все время называет меня так очень, очень взрослый человек. И не шутя. Вот как я изменилась, дети. И ничего, мне не страшно. Я нарочно позвала Ольгу Ивановну, чтобы на меня, Марию Николаевну, полюбовалась... Нет, страшно! Вот похвастала – и стало мне страшно. Я, дети, боюсь и не боюсь. Мне страшно и не страшно. Мне так спокойно и беспокойно. Бросает меня то в жар, то в холод – вот я какая Мария Николаевна, непоследовательная, сложная. (Берет с окна сумочку, достает карманное зеркальце и разглядывает себя.) Ах ты какая, Мария Николаевна, таинственная! Душа у тебя так изменилась, а нос все тот же. Неправильный. И лицо будто у Маруси. Что же это значит, Мария Николаевна, объясните, если вас не затруднит! Пойми после этого людей! Ну и Мария Николаевна! Вот так явление природы!

Дверь открывается тихонько. На пороге останавливается **Сережа Орлов.**

Ему под тридцать. Внимателен, без признака рассеянности. Прост – без признака наивности. Общее ощущение – строгости. Но, увидев Марусю, словно светлеет.

Не смутившись, не удивившись, кладет Маруся зеркальце на стол.

Маруся. Пришел, Сережа?

Сережа. Пришел. Ты одна?

Маруся. Одна.

Сережа. А я было испугался. Слышу – разговор.

Садятся на диван.

Маруся. Я разговаривала сама с собой.

Сережа. О чем?

Маруся. О себе. И вдруг вижу – ты стоишь в дверях. И тут произошло чудо.

Сережа. Какое?

Маруся. Я не смутилась. Люди всегда смущаются, когда поймал их на подобных глупостях. А мне хоть бы что. Вот я какая, значит, стала с тобой. Беззастенчивая.

Сережа, мне что-то важное надо было тебе передать, но увидела тебя – и все из головы вон. Видишь, какая я стала. (Хохочет.)

Сережа. Что ты? Ну, чего ты? Окажи.

Маруся. Ты... ты меня передразниваешь. Честное слово. Нечаянно передразниваешь. Что у меня на лице, то и у тебя. Я глаза открою – и ты. Я говорю, а ты губами шевелишь. Каждый день в тебе что-нибудь новое открывается. Значит, ты у меня богатая натура. Сейчас я тебя буду кормить.

Сереза. Мы же договорились, что я пообедаю на работе.

Маруся. А может быть, ты с тех пор проголодался?

Сереза. Нет.

Маруся. Жаль. Очень люблю тебя кормить. Ну хоть корочку хлебную съешь, пожалуйста.

Сереза. Ладно, неси корочку.

Маруся. Бог с тобой, не надо. Ты не сердись, что я болтаю глупости? Нет, нет, не отвечай, я вижу, что не сердись. Я нарочно, от хорошего настроения, чтобы тебя рассмешить, чтобы стало тебе весело, как мне.

Сереза. Мне с тобой всегда весело.

Маруся. Вот и славно. Только не трогай меня. Даже за руку не бери. Не надо. Я хочу говорить с тобой. Правда. Говорить – и все тут. А то голова закружится, и разговор оборвется. Сереза, Серезенька. Неужели мы с тобой будем как все?

Сереза. Никогда.

Маруся. Неужели, как все, перестанем мы удивляться друг другу? Пойдут ссоры? Обиды? Ты смеешься? А вдруг? (Встает. Подходит к окну.)

Сереза. Куда ты?

Маруся. Не могу я на тебя больше смотреть. Я тебя так люблю, что даже плакать хочется. (Распахивает окно, и тотчас же в комнату врывается уличный шум.) Вот это весна! Вот это весна так весна! Настоящее лето. Поди сюда, погадаем. (Садится на подоконник. Сереза присоединяется к ней.) Сереза. Как погадаем?

Маруся. Гляди, ребята играют в волейбол. Если правая команда выиграет, то все у нас в жизни будет легко, легче легкого, легче пуха с тополей, и так прекрасно, что даже на общегородской конференции нас будут ставить в пример несознательным супругам. Не смейся. Мало ли что бывает в жизни.

Сереза. Эх! Пасовать не умеют! Каким шкетам доверила ты наше будущее! Хотя вон тот, черненький, подает толково.

Маруся. Ты думаешь, я суеверная? Ну вот ни на столечко. А все-таки, если правые проиграют, Я так расстроюсь! Не смейся, дурачок. Я нарочно говорю посмешнее, чтобы тебя развеселить, а ты веришь. Даже жалко мне тебя стало. Аут! Маленького мячом ударило.

Сереза. Ничего, он смеется.

Маруся. А когда к маме подбежал – заревел.

Сереза. Закон природы.

Маруся. Сережа, а ты детей любишь?

Сережа. Я? Да. То есть как тебе сказать... Я к детям вообще отношусь спокойно, а с грудными – теряюсь.

Маруся. Почему?

Сережа. Загадочные они какие-то. Эх, красиво срезал.

Маруся. Сет болл! Ну, Сережа, гляди в оба, сейчас решается наша судьба.

Сережа. Опять черненький подает. Широко больно размахнулся, как бы в аут не ушел мячик. Ну, бей! Чего мучаешь?

Маруся. (закрыв глаза). Хочу, чтобы наши выиграли.

Отчаянный вопль за сценой: «Ребята! В красный уголок кино приехало!»

Сережа. Чего он.

Маруся. В красный уголок приехало кино.

Вопль за сценой: «Для нас! Для среднего возраста!»

Сережа. Да вы доиграйте! Успеете!

Вопли за сценой: «Мяч заберите!» – «А сетку кто снимет – дядя?» – «Ребята, вы мою шапку топчете». – «А ты ее не кидай!» – «Я от радости!» – «Ура! Ой, хорошо! Давай, не отставай!» Вопли удаляются.

Маруся. Не доиграли. Это как понимать?

Сережа. Не хочет нам отвечать твое гадание.

Маруся. Ошибаешься. Это и есть ответ. Никто нам не поможет, не подскажет, все придется самим решать и угадывать.

Сережа. Вот и славно.

Маруся. Славно, только чуть-чуть страшно.

Сережа. Ничего. Столько лет на свете прожили – значит, что-то умеем.

Маруся. Ох! Вспомнила. Ты сказал: «что-то умеем», и я вспомнила. Заходили Никанор Никанорович и Леня. Сегодня твой проект прошел первую инстанцию.

Сережа. Прошел?

Маруся. Да! И Леня говорит, что это уже решает дело. Завтра окончательный ответ. Ну что? Что с тобой? Не уходи!

Сережа. Я не ухожу.

Маруся. Нет, ты ушел. Леня говорит, что вопрос уже, в сущности, решен. Понимаешь?

Сережа. Я все понимаю, Маруся. Я не ушел. Правда. Я с тобой. И в доказательство расскажу, что меня беспокоит. Ты не удивляешься?

Маруся. Я бы то же самое сделала.

Сережа. А я, когда встревожен, не могу говорить, не могу думать, только сержусь.

Когда тревожусь за свою работу, сержусь я. Когда ушла она из моих рук и скрылась

из глаз. Друзья смотрят – и то страшно. Но тут особый страх – не оплошал ли я. А когда в чужих руках, боюсь я... Никогда об этом не говорил. Боюсь бездельников.

Маруся. Бездельников?

Сереза шагает взад и вперед по комнате. Не отвечает.

Бездельников... Понимаю. Тех, кто боится дела.

Сереза останавливается как вкопанный.

Чего ты удивляешься?

Сереза. Удивляюсь, что ты поняла меня. И ты их видела?

Маруся. Попадались.

Сереза. Смертной ненавистью ненавижу бездельников, которые развивают бешеную деятельность, только бы ничего не делать. Которые способны убить дело, только бы ничего не делать. Их ловят, но они умеют находить мертвое пространство. Необстреливаемое. Чему ты улыбаешься?

Маруся. Мне нравятся, как ты хорошо говоришь. Складно.

Сереза. Все это передумано тысячу раз. Они друг друга узнают и поддерживают, не сговариваясь. В работе – движение. А они боятся движения. И легко убивают работающих... Впрочем, я терпеть не могу, когда меня убивают, и не даюсь. Но в драке – приходится их трогать руками. Понимаешь?

Маруся. Противно.

Сереза. Вот именно. Гляди. (Показывает в окно.) Мы с Леной подсчитали. Когда строился по моему проекту вон тот дом...

Маруся. Знаю я его, знаю, с зеленой крышей. Я нарочно всегда делаю крюк, чтобы мимо него пройти. Даже когда ты меня ждешь.

Сереза. Так вот. Больше ста дней рабочих убил я тогда на борьбу с бездельниками, и они были на краю победы. Никанор Никанорович три раза в Москву ездил. В конце концов, правда, они одного только и добились, что последнюю командировку ему не оплатили. Не утвердили. А меня в коллективной статье, подписанной тремя лентяями, обозвали конструктивистом.

Маруся. Свиньи.

Сереза (смеется). Ты у меня все понимаешь. Ты теперь совсем наша. Все у нас тебя любят.

Маруся. Я тоже. Только на Леню сержусь иной раз.

Сереза. Напрасно.

Маруся. А почему он, когда шутит, всех оглядывает внимательно, смотрит в самое твое лицо – какое впечатление произвел.

Сереза. По близорукости.

Маруся. И все звонит каким-то женщинам. И все разным. Им обидно.

Сереза. Он звонит таким, которых не обидишь.

Маруся. Не сердись. Прости меня. Я стала безумная какая-то. Леня мне понравился бы – прежде. А теперь мне в голову лезет мысль, что он тебя может испортить.

Смеются.

Ты не презираешь меня за то, что я такая безумная?

Сережа. Еще больше люблю.

Маруся. Погоди немножко, и я поумнею.

Сережа. Не смей.

Маруся. Ты не велишь?

Сережа. Запрещаю. Правда. Довольно. Не надо ни о чем думать. Не думай.

Маруся. А вдруг я сойду с ума.

Сережа. И отлично.

Маруся. Ты велишь?

Сережа. Да.

Маруся. Что-то я уж очень любила слушаться! Я...

Звонок.

Сережа. Не открывай.

Маруся. Не откроем.

Сережа. Спрячемся на сегодня.

Маруся. Здесь дом. Как в детстве – помнишь? – здесь не ловят.

Звонок.

Вот человек! Ничего не понимает.

Звонок.

Сережа. Звони, звони! Нам от этого еще уютней.

Чередование длинных и коротких звонков. Маруся вскакивает.

Маруся. Сережа! Да ведь это он!

Сережа. Кто – он?

Маруся. Ну как ты не понимаешь? Наш Юрик! Слышишь? (Хохочет.) Он передает азбукой Морзе: «Ю-р-о-ч-к-а м-и-л-е-н-ь-к-и-й я-в-и-л-с-я».

Хохочет, выбегает в прихожую и возвращается с **Юриком**, очень молодым человеком, года, может быть, на два всего старше Маруси. Он чуть прихрамывает. Очень незаметно. Весел. Не сводит глаз с Маруси. Так пристально рассматривает ее; что Сережу и не замечает сначала. В руках огромный сверток.

Сережа, это Юрик!

Юрик на миг перестает улыбаться, взглядывает на Сережу и тотчас же будто забывает о нем. С наслаждением глядит на Марусю.

Помнишь, я рассказывала, Сережа? Он на два класса меня старше был. Чем он увлекается, тем и весь детдом, бывало. Это он научил нас принимать азбуку Морзе на слух.

Юрик. Забудем прошлое, перейдем к настоящему.

Маруся (хохочет). И голос прежний! Вот славно-то. Да положи ты сверток свой.

Юрик. Невозможно, рассыплется. Неси скорее кастрюльку, или тазик, или коробку – любую тару. Это подарок тебе!

Маруся. Какой?

Юрик. Черешни купил. Первые. Из Средней Азии или с Черного моря. Три кило тебе в честь первой встречи после разлуки.

Маруся. С ума сошел!

Юрик. Благодарить надо, а ты оговариваешь. Беги за кастрюлькой, не мучай человека!

Маруся. Ну и Юрик! Чудеса! Как мало другие люди меняются, не то что я! (Убегает.)

Юрик (Сереже). Ох, намучился я, пока искал Марусю. В общежитии никто ее адреса не хочет говорить, все какой-то незнакомый народ. А кто знакомый – в кино ушли.

А прибежал сюда – не открывают. Ближе друга нет у меня, чем Маруся, хоть и старше был на два класса. Вместе эвакуировались. Меня на вокзале Финляндском на прощание в ногу ранило. Осколком. Я маленький, а она еще меньше, все воду носила мне. И вдруг потерял ее.

Вбегает **Маруся** с кастрюлькой.

Маруся. Ну, давай пересыпай. Что ты на меня так глядишь? Лицо запачкано, что ли?

Юрик. Эх ты, дитя, дитя, взглядов не понимаешь. (Пересыпает черешни.) Одна гражданка обиделась, что много беру. А я ей: «Ну можно ли ссориться возле такого радостного продукта! Не пшено ведь!» Ну и мастерица ты прятаться. Хорошо, Валя Волобуева дала твой адрес.

Маруся. Валя?

Юрик. Она. Я спрашиваю, как ты живешь, а Валя: «Сами увидите».

Маруся. Ты теперь кто? Он, Сережа, кончил школу, не стал держать в вуз, а пошел в геологическую экспедицию, коллектором. Потом на Камчатку уплыл. Я, говорит, засиделся. А теперь ты кто?

Юрик. А теперь я понял, что если так много ездить взад и вперед изнежишься. Да, да! Привыкнешь каждый день новеньким кормиться. Не-е-ет! Хватит. Я поступил на «Электросилу» и буду держать в Электротехнический на вечернее отделение.

Маруся. И учиться и работать?

Юрик. У меня такая идея, что если я себя немедленно не возьму в руки, то выйдет из меня бродяга. Я испугался. Себя потеряешь, тебя потеряешь. Почему в адресном столе нет твоего адреса?

Маруся. Есть. (Хохочет.)

Юрик. Смотри! Мария Илютина в Ленинграде не проживает!

Маруся. Зато проживает в Ленинграде Мария Николаевна Орлова. Ну чего ты отступил, как от призрака! Я Орлова! Я замуж вышла! Юрик! Ты чего?

Юрик. Это моя манера радоваться и восхищаться. (Серее.) Вы и есть – он?

Маруся. Да. Сережа. Можно, он будет называть тебя Сережа?

Серее. Можно.

Юрик. Поздравляю, Серее. Ну, я рад.

Маруся. Еще бы!

Юрик. Очень рад. Если бы ты не замужем была – я пропал бы с досады.

Маруся (хохочет). Это еще почему?

Юрик. Не смейся. Я в тебя влюбился, когда перешел в восьмой класс, – и на всю мою жизнь. Понимаешь теперь, как хорошо, что ты замужем?

Маруся. Почему?

Юрик. Потому что я и сам женился, между прочим.

Маруся (хохочет). Ты? Да ты еще мальчик!

Юрик. А ты кто?

Маруся. А я – Мария Николаевна. Познакомишь с женой? А какая она? Блондинка? Или черненькая? А зовут как? А где работает? Или она учится?

Юрик. А вот познакомись с ней – все узнаешь.

Маруся (хохочет). Подумать только: Юрик – женат.

Юрик (Серее). Вот всегда так и было. Смеется! Есть такой закон, еще не открытый наукой: в ребят из своего детдома не влюбляются. Я, бывало, намекаю ей на свою любовь, а она хохочет. А я мучаюсь.

Маруся. Юрик, не барахли.

Юрик. Вот вечно так. Не верила моим мучениям. Да и правильно. Такие мучения здоровому и веселому человеку только на пользу. Стоишь на вахте. Погода беспощадная, камчатская, а вспомнишь Марусю – сразу делается все многозначительно. И на этом кончим. До свидания, молодые супруги.

Маруся. Как до свидания? Год пропадал – и вдруг...

Юрик. До свидания, друзья, до свидания. Тебе сегодня не до нас. Я не в укор говорю, – сам знаю, что такое любовь! Забыла ты весь мир, притаилась – но не тут-то было! Самый верный из друзей проник к тебе в дом хитростью. Что же делать? Разве от жизни уйдешь? Разве от нее спрячешься? Никогда! Пожелаю я вам, друзья, вот чего: пусть случится чудо, пусть врывается к вам жизнь только так, как я сегодня: с дружбой и лаской и полными руками. Будьте счастливы! Будь счастлива, сестричка моя единственная!

Маруся целует его.

Жалко! Такая нежная, такая маленькая – и вдруг ты, Сережа, ее муж. Эх, грубый мы народ, мужчины. Не обижайте ее, Сережа, не обижайте. Эх, Маруся!

Картина вторая

Освещены только куклы и листок календаря, на котором стоит 27 июня.

Кукла и медвежонок (поют)

В доме восемь на Сенной

Поселились муж с женой.

И не только поселились,

Но как дети подружались.

Хохот, шум. Куклы замирают, как неживые. Календарный листок исчезает.

Декорация та же. Столы сдвинуты – и оба письменных, и еще какой-то третий, очевидно, кухонный. Все они покрыты двумя скатертями. Поверхность получилась неровная. Но гости, расположившиеся за столами, чувствуют себя отлично. Шумят. Ужин приближается к концу. **Сережа** садится

у проигрывателя. **Маруся** и **Юрик** меняют приборы. **Никанор Никанорович** пробует откупорить бутылку шампанского, что ему не удается.

Собрались: **Леня.**, **Шурочка**, ее муж **Миша**, **Валя Волобуева** – Марусина подруга по университету, **Ольга Ивановна**.

Ольга Ивановна (Лене). Довольно. Кончено. Детей тут нет. Я гуляю.

Леня. И совершенно правильно делаете.

Ольга Ивановна. Сегодня Марусе двадцать лет. И она ровно три месяца замужем.

Целый квартал – шутка сказать! Я гуляю и никого не воспитываю. Сегодня у меня выходной. Никанор Никанорович, что же шампанское? Я речь хочу сказать.

Никанор Никанорович. Пробка сидит как припаянная.

Шурочка (хохочет). Как припаянная! Ох, умереть. (Хохочет.) Попробуй дерево припаяй!

Леня. Вы поворачивайте пробку вокруг оси.

Шурочка. Вы Мише моему дайте, Никанор Никанорович, он сразу откроет. У него руки железные.

Валя. Дайте я попробую.

Никанор Никанорович. Ни за что! Сережа, поставьте какую-нибудь пластинку, пусть слушают, а мне не мешают.

Сережа. Слушаю. (Ставит пластинку.)

Ольга Ивановна. Довольно. Я гуляю. Об этом и речь скажу. Я никого не воспитываю.

Верите ли, в эвакуацию еду на телеге. Правлю лошадь. И кричу ей: «Я тебе что сказала! Что за непослушная девочка!» Нет, хватит. Сегодня за столом взрослые.

Поговорим о любви. Скажите, Маруся и Сережа счастливы?

Леня. Мы с Марусей подружились. Мы все с ней подружились. Она простая.

Ольга Ивановна. Ну вот и хорошо, вот и все.

Леня. Маруся простая. А любовь – дело непростое.

Ольга Ивановна. Ну вас!

Леня. Вы же хотели говорить как взрослый человек.

Ольга Ивановна. Ну вас!

Леня. Любовь – дело непростое, особенно когда живут люди вместе.

Ольга Ивановна. Все на свете непросто.

Леня. Любовь такая дура, каких свет не видел.

Ольга Ивановна. Ладно. Вода тоже дура, а паровозы тянет.

Леня. Сравнили.

Ольга Ивановна. Да, сравнила. А по-вашему, надо махнуть рукой и подчиниться?

Леня. Руководить нашими молодыми предлагаете? Не обижайтесь, Ольга Ивановна, я их не меньше вашего люблю. Ну, во всяком случае Сережу. Воевали вместе. Но слова ему не скажу о его семейной жизни.

Шурочка. Ой, выключите пластинку – не люблю симфонии.

Леня. Это не симфония. Это «Приглашение к танцу» Вебера.

Шурочка. Все равно незнакомое.

Леня. Слушать только знакомое – все равно что сидеть по десять лет в одном классе.

Шурочка. Да? Так вы судите? А я вас срежу. Почему когда хорошего знакомого встречаешь, то радуешься, а когда знакомую песню, то нельзя? Ага – замолчал? Нет, нет, симфоний я не люблю. От симфоний – душа болит. Тревожно от них... Сережа, откройте, пожалуйста, дверь в коридорчик. Если Майечка позовет из вашей спальни, я услышу. Спасибо. Нет, я не люблю симфоний, хоть зарежьте. Больше всего люблю я передачи по заказу радиослушателей. Тут уж все знакомое.

Леня. Будто родственники в гости ввалились в воскресенье.

Шурочка (хохочет). Ох, умереть! Ох, плакать мне сегодня! Ох, этот Леня хуже затейника в Доме отдыха. Родственники... Конечно, есть такие родственники – как увидишь, так и увянешь. До того принципиальные. Не улыбнутся никогда. Но есть и другие... Миша, Мишенька! Звездочка ты моя! Слушает, как я говорю, – и не стесняется. Другие мужья, извините, корчатся прямо, когда их жены разговаривают. Все им кажется, что жена глупость скажет. А Мишенька мой только хлопает своими ресницами. Миша мой, Мишенька, окажи хоть словечко, – все разговаривают, один ты молчишь!

Миша. И в самом деле – дайте мне бутылку, Никанор Никанорович.

Шурочка. Заговорил! Золото ты мое! Да как убедительно, как разумно! Неужели вы ему откажете? Я, когда он такой добрый да ласковый, согласна все для него сделать, как для мамы родной.

Леня. Что вы замолчали, Ольга Ивановна?

Ольга Ивановна. Огорчилась. Вспомнила то, что не следует. Неужели вы думаете, что они могут быть несчастны? Почему вы сказали: «Ни слова ему не скажу о его семейной жизни»? Вы заметили что-нибудь?

Леня. Нет, что вы!

Ольга Ивановна. А по-моему, они невеселые сегодня.

Леня. Вот тоже особенность семейной жизни. Тонкость ее. У Сережи был неприятный разговор на одном объекте. Он не в духе. И сразу же и Маруся потемнела.

Ольга Ивановна. Сочувствует.

Леня. Я тоже сочувствую, но не заражаюсь его душевным состоянием. А супруги легко заражаются душевным состоянием друг друга.

Ольга Ивановна. Ну, это уже философия.

Леня. Нет, физиология. Какие же они муж и жена, если не увлекают друг друга. Если уж мы говорим как взрослые. Не только обнимаются и целуются заразительно, но и радуются, и сердятся, и...

Ольга Ивановна. Ну вас!

Леня. Видите – разговаривать о них – и то мы не можем с полной ясностью, а вы хотите еще и направлять. Ведь они муж и жена! Напоминаю!

Ольга Ивановна. Ладно. Авось останутся еще и людьми.

Леня. Надеюсь, но... Маруся очень простая. Ее можно обидеть насмерть.

Ольга Ивановна. Леня!..

Никанор Никанорович. Готово.

Валя. Открыли?

Никанор Никанорович. Сломалась пробка.

Общий хохот.

Шурочка. Вечно это с шампанским. Надо письмо в газету написать.

Юрик. А ну, дайте мне бутылку.

Шурочка. Миша откроет. Миша мой.

Юрик. Я тут тоже вроде свой. Чего же Мише надрыватьсья? (Берет бутылку, убегает. Маруся за ним.)

Шурочка (хохочет.) Свой! Сережа! Как вы терпите, я за такие слова голову бы оторвала!

Валя. Какие глупости! Ведь они вместе учились.

Ольга Ивановна. Леня, почему вы сказали, что Марусю можно обидеть насмерть?

Леня. С непривычки.

Ольга Ивановна. Не понимаю.

Леня. Я умею серьезно разговаривать о работе. А вы вдруг заговорили серьезно о семейной жизни. И мне с непривычки почудилось невесть что. Да тут я и выпил еще. Простые люди не гнутся, а разбиваются... Довольно. Несу невесть что. Никанор Никанорович, зачем шепчетесь вы с Шурочкой? Это нетипично.

Никанор Никанорович. Отстаньте! (Шурочке.) С чего вы это взяли?

Шурочка. А вот можете убить меня, и я слова не пикну, если я неправа.

Никанор Никанорович. Выдумали.

Шурочка. Кого угодно можно обмануть, но только не меня. Юрик не женат, не женат, не женат! Пусть он жену сюда не приводит. Это ничего не доказывает. Может, она такая, что Юрик ее стесняется. Мало ли на ком можно сгоряча жениться! Это бывает. Но он неухоженный. Какая бы плохая жена ни досталась на долю парню – все же зашила бы рукав на выходном костюме. По шву распорото. У меня – и то руки чесались зашить, да Маруся опередила.

Никанор Никанорович. А зачем ему лгать?

Шурочка. Нет, нет, у него все поведение холостяцкое. Говорит, что с женой живет дружно. Так хоть раз на часы взгляни, когда ты в гостях. По телефону позвони: «Нюра, я задержался». Нет, никогда. Недавно вышла у нас такая глупость, что и с умным случается, – заигрались мы в подкидного дурака до половины третьего ночи. Позвонил Юрик домой, что задерживается? Нет!

Никанор Никанорович. Зачем Юрику лгать, спрашиваю я вас?

Шурочка. Зачем?

Сонный детский голос. Мама!

Миша вскакивает.

Шурочка. Кажется, маму ребенок зовет, а не папу! Иду, Майечка, иду. (Убегает.)

Никанор Никанорович. Влетело, Миша?

Миша. Вы не думайте. Она не всегда. Иной раз сорвется, а бывает добрее доброго. Она веселая.

Никанор Никанорович. Огонь женщина. А как экзамены, Миша?

Миша. Ох, Никанор Никанорович, глупею. Когда надо отвечать – глупею. Молчаливость окаянная одолевает. Язык отнимается. Это я сейчас разговорился, коньяку выпил, а на экзамены выпивши не пойдешь. Но в общем начинают привыкать ко мне, ждут, когда я разговорюсь. Но это в сторону. Вы Шурочку не знаете. И никто ее не жалеет так, как я. Сейчас она умнее любого, не успеешь оглянуться – и хуже ребенка балованного. Но это в сторону. Об этом молчок.

Вбегают **Шурочка.**

Шурочка. Уснула моя радость. Потребовала было песню, что ей папа поет, «Два гренадера». Вот чему он учит ребенка. Ладно, ладно, не гляди на меня, сегодня я всем все прощаю, мне весело сегодня.

Маруся вбегает.

Маруся. Добился Юрик наш! Валя, скорее готовь бокалы. Пробка сама пошла.

Входит **Юрик**.

Валя. Ой, только не в меня, Юрик! Я этого терпеть не могу!

Юрик. Будьте покойны, жертв не будет.

Пробка вылетает. Бокалы наполнены.

Ольга Ивановна. Прошу слова.

Никанор Никанорович. Тише, тише!

Ольга Ивановна (открывает сумочку, достает пачку телеграмм). Ребята!.. Впрочем, я, кажется, оговорилась. Маруся! Видишь, сколько телеграмм пришло к тебе!

И от одноклассников. И от старших. От Васи Захарова. Ездит он шофером в Таджикистане. И от Стаси Помяловской. Она учится в театральной студии в Москве. Это я не Марусе объясняю, а вам, гостям. Маруся и без меня знает, кто, где и как живет. И от Леши Гауптмана. Он работает в музее в Пензе. С первого класса, узнав, что есть писатель с такой фамилией, пристрастился он к искусству. Но стал в искусстве не богом, а только жрецом. Отличный музейный работник. Ах, да всех не перечислишь, потом разберешь, Маруся. Много лет справляли мы твоё рождение в детском доме. И вот вспомнили бывшие детдомовцы тебя. Они тебя любят. У тебя сорок братьев и сестер. И все спрашивают в письмах – как ты живешь. А Игорь Хаджибеков, самый из них вдумчивый – он преподаёт физику в Саратове в одной школе, – пишет: «Маруся, семья в мирное время – это все равно что тыл во время войны».

Юрик. А сам холостой.

Ольга Ивановна. Замолчи, легче легкого смеяться над теми, кто учит. Всем вам чудится, будто все вы и сами понимаете. А где твоя жена? Не привел ее. Значит, глупость совершил. Неудачно женился. А глядя на тебя, и другие начнут ворчать, что семейная жизнь – каторга... Ах, не то я говорю, вероятно. Но пойми меня, дорогая. Поймите меня! Сколько сил потрачено на то, чтобы, сделать вас настоящими людьми! Живите по-человечески. Следите за собой. Трудно делать то, что решил. Я шла сюда с твердым намерением не учить и не проповедовать. И вот не удержалась. Значит, человек над собой не волен. Мелочь? Да! Но вся жизнь построена из мелочей. Они все решают. Особенно в семье. Будьте счастливы! Умоляю вас, будьте счастливее старших.

Леня. Ольга Ивановна, что вы беспокоитесь? Они счастливы. Это и слепому видно. За это и пьем.

Темнеет. Загорается свет. Декорация та же. Часы бьют дважды. Гости разошлись. Сережа сидит на диване, угрюмо смотрит в книжку. Столы все еще составлены вместе, но скатерть снята с них. Звон посуды. Из кухни выходит **Маруся** с грудой тарелок. Ставит их на стол. Сережа не поднимает головы. Маруся отправляется к двери. Останавливается нерешительно.

Маруся (тихо). Сережа, что с тобой?

Сережа. Ничего.

Маруся. Ну как хочешь. (Пауза.) Ты даже не помог мне посуду вытереть. Что с тобой?

Сережа молчит.

Вот тебе и раз. День моего рождения, а ты наказываешь меня. За что?

Сережа не поднимает глаз от книжки.

Все думают, что мы счастливы, ушли от нас веселые, а у нас вот какой ужас.

Поглядела бы Ольга Ивановна. Поговори со мной, а, Юрик!

Сережа. Меня зовут не Юрик.

Маруся. Я оговорилась, потому что он со мной был целый вечер, а ты молчал нарочно. Ну скажи – что я сделала? Смеялась слишком громко? Нет, тебе просто нравится меня мучить. Нравится, и все тут. Выпил ни с того ни с сего уже после торта – целый стакан коньяку. Как маленький.

Сережа. Маленькие не то пьют.

Маруся. Как десятиклассник. Нет, ты можешь со мной помириться, да не хочешь, жестокий ты человек. Ты нарочно пил, чтобы я мучилась.

Сережа. Я не знал, что ты изволишь заметить, пью я или не пью.

Маруся. «Изволишь»... В жизни от тебя не слышала подобных слов.

Сережа. Это не брань.

Маруся. У других, может быть, и не брань, а у нас брань. Сереженька, маленький мой, я не умею ссориться! Я не знаю, что говорить. Умоляю тебя, если я в чем-нибудь виновата, выругай меня прямо, голубчик. Пожалуйста. А то мне страшно.

Сережа. Не бойся.

Маруся. Ты и на войне воевал, и видел больше, чем я, значит, должен быть добрее. Ты старше.

Сережа. Раньше надо было думать.

Маруся. О чем?

Сережа. О том, что... старше.

Маруся. Я не понимаю. Я сказала... Я ничего не понимаю. Ну посмотри на меня, Юрик...

Сережа. Дай мне отдохнуть от Юрика!

Маруся. Я... (Всплескивает радостно руками.) Сережа, маленький мой, – ты ревнуешь? Мальчик мой! Значит, не я одна поглупела, – и ты у меня дурачок? Вот славно-то! Сережа!

Сережа. Я...

Маруся. Не спорь, не спорь.

Сережа. Я... Мне показалось, что я тебе не нужен.

Маруся. Ты? Мне даже стыдно – вот до чего ты мне нужен. Мне даже страшно вот как ты мне нужен. Я какая-то стала доисторическая. Дикая. Вот как ты мне нужен.

Сережа. Ладно. Я бы никогда не сказал. Это коньяк.

Маруся. Ну, спасибо коньяку.

Сережа (закуривает). Забудь. Больше никогда ни слова. Мне показалось глупым, что он от тебя не отходит.

Маруся. А как же он иначе может? (Садится возле Сережи. Гладит его по голове.) Сколько я себя помню – он всегда возле. Я маленькая была, но помню, как мы вдруг очутились так далеко – в Кировской области, в лесах... Все чужое. Все непонятное. Вечера бесконечные, света нет. Сидим, поем в интернате. Ольга Ивановна поет, а у самой голос все хрипнет. А кончилось тем, что хор у нас образовался. И стали мы ездить по району – участвовать в концертах. Прославились. А один раз чуть не погибли: попали в буран по дороге на концерт. Меня с собой всегда брали. Я объявляла номера. Ольга Ивановна была против, но я не испортилась от своей сценической деятельности. Все смеются, что такая маленькая на сцене. Ты спишь?

Сережа. Нет, я стараюсь представить себе, как все это было. А я в это время дрался.

Маруся. А ты дрался. И вот все кончилось хорошо. А Юрик – как же он может не ходить за мной следом? Так было испокон веков.

Сережа. Ты видела его жену?

Маруся. Нет. Увижу когда-нибудь. Неважно. Ну и все. Какая тяжесть с души свалилась! Я думала – какую это я глупость сделала, рассердила тебя? А оказывается, это ты дурачок.

Сережа. Да вот представь себе. Я не знал. (Обнимает Марусю.) Никому тебя не отдам – вот я какой, оказывается.

Маруся. Ну ничего. Как-нибудь.

Сережа. Опасное место – дом. Привыкаешь тут снимать пиджак. Расстегивать воротник. Ну, словом – давать себе волю.

Маруся. Ничего.

Сережа. Все равно – никому я тебя не отдам.

Маруся. И не отдавай. И пожалуйста. И спасибо. Я так этому рада! Все исчезает во тьме, кроме кукол. Они поют.

Медвежонок. В доме...

Кукла. Восемь...

Медвежонок. На...

Кукла. Сенной...

Кукла и медвежонок (хором)

Поселились муж с женой.

И не только поселились,

Но как дети подружались.

Кукла. Чудо!

Медвежонок

Чудо? Погоди!

Что-то будет впереди?

Действие второе

Картина третья

Календарь показывает 19 октября. Когда он исчезает, мы видим все ту же комнату.

Ясный осенний день.

Валя Волобуева заклеивает длинными полосами бумаги рамы. **Маруся** моет второе окно, перегнувшись во двор. **Шурочка** крепко держит ее за юбку. Поет задумчиво.

Шурочка (поет)

В кружках и хороводах,

Всюду милый мой

Не сводил очей с меня,

Все любовался мной.

Маруся, не перегибайся так, у меня голова кружится. Говорят тебе – пусти, я лучше сделаю, и в один миг. А? Вот упрямая! (Поет.)

Все подруги с завистью

На меня глядят,

«Что за чудо парочка»,

Старики твердят.

Что? Денатурат? Валя, у тебя денатурат? На, Маруся. Осторожней. Если поскользнешься да упадешь – я тебя своими руками задушу.

А теперь вот милый мой

Стал как лед зимой,

Все те ласки прежние

Он отдает другой.

Валя, у тебя никого нет?

Валя. В каком смысле?

Шурочка. Известно в каком.

Валя. Нету.

Шурочка. Удивляюсь. Здоровая. Обаятельная. Свободная. Эх ты! (Поет.)

Чем лучше соперница,

Чем лучше меня,

Что отбила милого

Друга от меня?

Иль косою русою,

Иль лицо бело,

Иль походкой частою

Завлекла его?

Ох, Валя, Валя! Я люблю мужа. Уж куда больше любить! Но душа просит... сама не знаю чего. Хоть погоревать во всю силу. И тут своя красота есть. Мы с Мишей, конечно, ссоримся, без этого нельзя. Но как-то по-домашнему. Эх! Люблю тоску! (Поет.)

Научи, родная мать,

Соперницу сгубить

Или сердцу бедному

Прикажи забыть.

«Нет запрету, дочь моя,

Сердцу твоему,

Как сумела полюбить,

Так сумей забыть».

Валя, ты чего! Маруся, Маруся, она плачет! Да еще слезы бумажными лентами вытирает. А чем окно заклеивать будем?

Маруся (прыгает с подоконника, подбегает к Вале). Валя, Валечка, что с тобой?

Валя. Я никогда не выйду замуж.

Маруся. С чего ты взяла?

Валя. Не могу влюбиться. Отвращение к мальчишкам. У них руки холодные. На лице какой-то пух. От застенчивости весь каменеет, а туда же лезет обниматься.

Убила бы. А кто мне нравится, тот на меня не смотрит.

Шурочка. А тот, кто тебе нравится, постарше?

Валя. Постарше. Не так много. Еще молодой. Лет двадцати девяти.

Шурочка. Мы его знаем?

Валя. Умру, а не скажу.

Шурочка. Вот и проговорилась, дурочка. Значит, знаем.

Валя. Отчего я такая несчастная, нравлюсь только мальчишкам да старикам. Я никогда не рассказывала, такая минута подошла, расскажу. В прошлом году, когда я была на практике, в заводской лаборатории, был там лаборант. Старый, лет сорока. Щеки синие, хоть брился каждый день. Сопит. Нос не в порядке. Задержались мы вечером в лаборатории. Вдруг глаза у него остекленели. Лицо поглупело. Как бросится на меня.

Шурочка. Ну, это уже нахальство!

Валя. Я не испугалась. Только стало мне так скучно. Уйдите, говорю. А он как глухой. Тут меня даже затошнило. Я так его толкнула, что он рухнул. Разбил две колбы, пробирки. А я бежать. А на другой день знаете что он сделал?

Шурочка. Прощения просил.

Валя. Как же, дожидайтесь. Подал заявление, что я посуду разбила. С меня взыскали, а я промолчала. Почему? Будто связало нас это вчерашнее безобразие.

Шурочка. Ох, меня там не было.

Маруся. Ох, бедные мы, женщины. Пока найдешь свое счастье – столько переживешь.

Шурочка. Что верно, то верно. Мне Миша говорит: «Ты знатная ткачиха, что ты все про любовь, ты про работу расскажи». Чудачок! У меня руки золотые! Мне на работе все ясно как стеклышко, еще и с другими делюсь опытом. Я хочу, чтобы у меня и дома было не хуже. А у кого тут опыт возьмешь? Все семьи разные.

Маруся. Человек неделим.

Шурочка. Как, как?

Маруся. Человек неделим. Ты правильно говоришь. Каждый хочет добиться, чтобы везде он был на высоте.

Шурочка. А как добиться? «В семейной жизни главное – терпение». Ну, хорошо. Я подумала: нет, мне не утерпеть. А с кем посоветоваться? «Миша, говорю, что есть ревность?» – «Прочти в толковом словаре». Прочла я и даже раскричалась. «Ревность, написано там, – это сомнение в чьей-то верности». Сомнение! Ну уж это ты брось! Значит, если я застукаю Мишу с Ленкой Куликовой – моя ревность пройдет оттого, что сомнений не будет? Ну как тут верить книжкам? Самой надо учиться. Валечка, ты, значит, все-таки влюблена у нас?

Валя. Во-первых, нет. А во-вторых, он любит другую.

Шурочка. Красиво, печально! Ничего, ничего, ты переживай, это душу украшает. Открывается дверь, и в комнату входят **Сереза, Никанор Никанорович, Леня.**

Маруся. Ох, откуда вы? У меня такой беспорядок! Я босиком.

Сереза. Да уж.

Никанор Никанорович. Здравствуйте. Простите, мы думали, что дома никого нет.

Маруся. Я не ждала вас.

Сереза. Это сразу видно.

Маруся. Ты не предупредил.

Сереза молча выходит.

Куда ты?

Леня. К телефону. В коридор. Заказать Москву.

Никанор Никанорович. Наш идиот бухгалтер не внес аванс. Мы пришли к вам.

Сегодня наш проект обсуждали в главке. Надо узнать. Разрешите позвонить от вас.

Маруся. Телефон Серезин.

Леня. А будь ваш – вы нас прогнали бы?

Шурочка. Не отвечай, Маруся. Ну, я пойду. Сереза такого холода нагнал, что еще простудишься. Пришел – не постучался, вошел – не поздоровался.

Никанор Никанорович. Не сердитесь. Мужчина при виде уборки звереет.

Шурочка. Марусенька, вон твои туфельки, под столиком. Я зайду завтра, dokonчим окно, когда помещение очистится. (Уходит.)

Леня. И вы уходите, Валя?

Валя. Да, мне пора.

Леня. А я что-то знаю.

Валя. Вероятно. Иначе не были бы инженером-строителем.

Никанор Никанорович. Испортил девушку. Остричь стала.

Валя. Я защищаюсь.

Леня. Мы встретили Юрика.

Валя. До свидания, Никанор Никанорович.

Леня. С женой.

Валя. Это меня не касается. И вы неправду говорите.

Леня. Спросите Никанора Никаноровича.

Валя. Никанор Никанорович, правда?

Никанор Никанорович. Видимо.

Валя. До свидания. А какая она?

Леня. Блондинка. Высокая. Смотрит оценивающе.

Никанор Никанорович. Зовут Станислава Арнольдовна. Видимо, полька.

Маруся. Ох, тут что-то не то.

Леня. Не то?

Маруся. Он говорил, что жену его зовут Нюра.

Леня. Может быть, по-польски так, а по-русски – иначе.

Валя. До свидания. Я бегу. (Уходит.)

Маруся провожает ее.

Леня. Валя по уши влюбилась в Юрика, и все это видят, кроме него самого и ближайших друзей.

Никанор Никанорович. А вам какое дело?

Леня. Сам не знаю.

Сереза (возвращается; мрачно). У Якубовского не отвечает телефон.

Никанор Никанорович. Прячется.

Леня. Никаких сомнений.

Никанор Никанорович. Завтра узнаем. Неважно. Нет, важно. Много у меня, что ли, осталось дней и ночей? Ночь не спать из-за того, что не хватает у человека смелости взять да и сказать всю правду!

Леня. Ни в одном проекте не был я так уверен, как в этом.

Никанор Никанорович. Вот поэтому он и не прошел. Смотрят на проект. Смотрят и думают: «А я так мог бы?»

Леня. Если бы еще Якубовский попал, так сказать, на руководящий пост естественным путем, а он в талантливые инженеры назначен... А раз назначен значит, могут и снять. Вот он и вертится.

Маруся входит в комнату.

Сереза. Мы работаем.

Маруся. Я тоже. (Берет со стола книгу, уходит.)

Никанор Никанорович. А до войны? Кем он был до войны?

Леня. Никем.

Никанор Никанорович. А теперь считает, что он пуп земли. А на самом деле он просто пуп.

Леня. Лицо грубое, щеки как ляжки. Еще за границу его посылают. (Достает из кармана газету.) И он описывает свои впечатления. (Читает.) «Мне довелось посетить завод строительных материалов». «Довелось» – скажите, пожалуйста! Почему, как начинают наши путешественники изливать в газетные подвалы свои чувства и мысли, – у них язык деревенеет? «Довелось», «не далее как вчера» обратите внимание. Просто «вчера» уже Якубовский сказать не в силах. Он не простой человек. Землепроходец! (Читает.) «Осеннее золото лесов», «то и дело проносятся стада», «досужие болтуны». «Досужие»! – смотрите, пожалуйста, какое словцо выкопал. Сам ты досужий! Казнил бы его.

Никанор Никанорович. Ну, это уж незачем. Себе дороже стоит.

Леня. Я расточителен.

Никанор Никанорович. Вы человек с душой, достаточно разработанной.

Вам убивать – противопоказано. Помните Раскольников.

Леня. Главная ошибка Раскольникова была в том, что убивал он собственноручно. Надо было поручить секретарю. Ничего бы Раскольников не увидел, не услышал. Мучений совести – на грош, а пользы-то...

Никанор Никанорович. Довольно. Не кощунствуйте. Идем по домам.

Встает. Частые телефонные звонки.

Междугородняя.

Сережа бежит к телефону.

А где Маруся?

Леня. Она заходила сюда, но Сережа ее выставил.

Никанор Никанорович. Не выдумывайте.

Леня. А вы даже и не заметили?

Никанор Никанорович. Не выдумывайте. Когда это было?

Леня. Она, как вежливая хозяйка, вошла, а Сережа ей: «Мы работаем».

Никанор Никанорович. Не заметил. Честное слово. Я понимаю Сережу.

Он не хотел, чтобы жена видела его волнение.

Леня. Терпеть не могу слова «волнение».

Никанор Никанорович. Шли бы вы в писатели!

Леня. Не смею.

Входит Сережа.

Сережа. Якубовский звонил. Проект принят. С блеском. Он звонил нам в бюро, не застал, потом вам, потом добыл мой телефон – и сюда. Естественно, что у него дома телефон не отвечал. Он в главке сидел, к нам дозванивался.

Пауза.

Никанор Никанорович. Первый признак действительно талантливого человека: он радуется чужому успеху. Он понимает, что каждая удача не отнимает, а дарит. Растет уважение ко всей организации.

Леня. И работает как мученик. Здоровье-то у него никакое. Обрюзг, побледнел, а отдыхать не едет.

Сережа. За границей-то побывал.

Леня. Ну какой же это отдых!

Сережа. И написал...

Леня. Как будто он сам писал! Посмотри название статьи: «Под чужими звездами». Он человек умный, скромный. Это за него сочинил кто-нибудь.

Сережа. Ты же собирался его казнить.

Леня. Я... я... не успел, к счастью.

Друзья переглядываются и раздражаются хохотом.

Сережа. Признаем – свиньи мы. Плохо воспитаны.

Никанор Никанорович. Нервы.

Леня. Судили и осудили, да с какой легкостью!

Никанор Никанорович. Довольно психологии. Проект принят! Впрочем, я и не сомневался в этом. Мария Николаевна! Мария Николаевна!

Входит **Маруся** с книгой в руке.

Поздравьте нас – принят проект.

Маруся (радостно). Принят! (Словно опомнившись, холодно.) Поздравляю.

Леня. Бежим, бежим! Дадим отдохнуть людям. Вечером созвонимся. (Идет в прихожую.)

Маруся стоит на месте, опустив голову. **Сереза** возвращается.

Сереза. Что ж ты свет не зажигаешь – стемнело совсем. (Зажигает свет, взглядывает на Марусю. Пугается.) Маруся, что с тобой? Отчего ты такая бледная? Простудилась! Возишься с окнами, возишься, сколько раз я тебе говорил.

Маруся. Окна сами не вымоются, не заклеятся.

Сереза. А что с тобой? Я тебя обидел, может быть? Ну как тебе не стыдно. Мало ли что бывает! Мы, мужчины, народ грубый. А кто слишком вежливый – тот не мужчина. Ну, Маруся, проснись.

Маруся. Я проснулась.

Сереза. Давай помиримся.

Маруся. Мы не ссорились.

Сереза. Ну, как хочешь. (Идет к столу сердито. Усаживается. Открывает книгу.) Свет гаснет. Освещены только куклы.

Медвежонок. Слушай ты, Сергей! Послушай нас пока не поздно!

Кукла. В следующий раз будешь просить – не ответим.

Медвежонок. Вон, я вижу, в книжке у тебя написано: «Эти вещи ясно говорят о том, что каменный период сменился тут бронзовым ранее, чем можно предположить». Вон о чем при случае говорят вещи! И притом ясно! А ты не желаешь нас слушать!

Кукла. А мы ясно тебе говорим: пойдь помирись!

Медвежонок. Мы ясно тебе говорим: в ссорах есть своя прелесть, не поддавайся этой игре!

Кукла. В этой игре, прости меня, фарфоровую, за выражение, разбиваются сердца!

Медвежонок. Сколько тебя, дурака, воспитывали – будь воспитанным мальчиком.

Кукла. Сидит!

Медвежонок. Не слушается. Будто мы не вещи, не куклы, а, прости Господи, его родители. Что делать?

Кукла. Споем с горя!

Поют.

В доме восемь на Сенной

Поселились муж с женой.

Поселились, веселились,

А потом и побранились...

Картина четвертая

Вспыхивает свет, освещающий календарный листок. На нем число: 19 ноября. Когда он исчезает, куклы замерли, как неживые. **Маруся** разговаривает с ними.

Маруся. Дети, я научилась ссориться. Что делать? В азарт вхожу. Иной раз даже обидно мириться, – вот я во что превратилась. Началось с пустяков. Сережа при чужих сказал, чтобы я вышла из комнаты. Я, конечно, вышла. И тут родилась первая ссора. Я молчу, и он молчит. Я самостоятельный человек. А он мужчина. Потом прошла неделя, и вдруг показалось мне, что он похудел, сжалось у меня сердце, бросилась я к нему на шею, и прожили мы так мирно, так славно, так близко, как никогда в жизни, дней пять. Потом он вдруг обиделся. А на что – не могу вспомнить, вот что смешно. Мы вместе не могли вспомнить. Но молчали неделю. И пришел он ко мне мириться первый. И снова мир. В чем дело, дети? Может быть, любовь имеет свой возраст. Сначала любовь – ребенок, все умиляются, смеются каждому словечку, радуются. А потом глядишь – и вырос ребенок. Любовь-подросток командует нами. Подросток. Легко ли? Переходный возраст, со всякими глупостями. Ах, Сережа, Сережа! Шучу я с вами, дети, чтобы себя подбодрить. В последней ссоре было что-то, говоря прямо, страшное. Я попросила его объяснить мне один вопрос по высшей математике. Стал он объяснять. Я не понимаю. И он заорал на меня, с ненавистью, с отвращением, как на врага, – вот чего никогда не было. Нет, надо иметь смелость и сказать – в последней ссоре было что-то безобразное. Так ссориться я не научусь. Если тебя подбрасывать – будет только смешно и жутковато. А если на пол швырнуть разобьешься. Верно, кукла? Ты неживая – и то разобьешься. А ведь я живая. Если...

Звонок. **Маруся** убегает и возвращается с Юриком и Валею.

Больше всего мне хотелось, чтобы это вы пришли. Садитесь. Какую картину видели?

Валя. Немое кино. «Человек из ресторана». Подумать только – ни звука, ни слова, а все понятно.

Юрик. Меня другое удивило.

Валя. Юрик, только не шутите! Я так настроена серьезно, так мне жалко всех, а вы начнете подсмеиваться, и все пропадет.

Юрик. Нет, я шутить не собираюсь. Я другое хочу сказать. Смотрел я картину и удивлялся. Можно было подумать, что собрались в кино люди только хорошие.

Маруся. Почему?

Юрик. До тонкости все понимали: кто поступает правильно, кто нет, кому надо сочувствовать, кого ненавидеть или презирать. Ахали в один голос, и смеялись, и даже плакали.

Валя. Что ж тут удивительного?

Юрик. Если бы они в жизни так отчетливо понимали, что хорошо, что плохо, вот славно жилось бы!

Валя. Все понимают!

Юрик. Когда стукнет.

Маруся. А ты и без этого все понимаешь?

Юрик. Я все понимаю. Мне объяснять не надо.

Маруся. Ты куда, Валя?

Валя. Чай поставить можно?

Маруся. Что спрашивать-то.

Валя убегает.

Чего-то она в последнее время нервничает.

Юрик. Не замечал. А вот у тебя что-то неладно в жизни.

Маруся. Юрик, не барахли.

Юрик. Ты, конечно, не скажешь никому. Разве что куклам. Да и тем как-нибудь повеселее, чтобы непохоже было, что жалуешься.

Маруся. С чего ты взял?

Юрик. Знаю, знаю! Такими уж мы выросли. Поди у нас в детдоме пожалуйся. Мы, бедные сиротки, этого не любили.

Маруся. Юрик!

Юрик. Ладно, ладно, расспрашивать не буду. Нервничает, говоришь, Валя? С учением неладно?

Маруся. Вполне благополучно.

Юрик. Дома обижают?

Маруся. Она в общежитии живет.

Юрик. По комсомольской линии неприятности?

Маруся. Все хорошо.

Юрик. Чего же ей еще надо?

Маруся. Не знаю. Может быть, влюбилась.

Юрик. Что ты, что ты, она о таких делах даже и не думает. А тебе я вот что скажу. Вот компас. Мне его жена подарила.

Маруся. Юрик! Мы вместе его купили! Я покупала ватманскую бумагу, а ты купил себе компас.

Юрик. Неважно. Мне она, значит, другой преподнесла. Вот. Гляди. Юго-восток. Тут по прямой линии пойдешь – работает Вася Захаров. Едет сейчас на машине своей. Хорошо! Не в комнате сидит, а на машине едет.

Маруся. Там ночь уже, в Таджикистане. Он спит.

Юрик. Он сегодня в ночной смене. Едет по степи. На горы смотрит, я чувствую. Компас на Пензу. Лешка Гауптман тоже в командировке. Он собирает

для пензенского музея что-нибудь благородное. Ел он сегодня или нет, конечно, неизвестно. Ты его характер знаешь. Если напомнят, поест. А не напомнят – он и не спросит. Стаську я видел с месяц назад, случайно встретил. Еще с Сережей познакомил. Привозили ее на один спектакль из Москвы.

Маруся. И она ко мне не зашла?

Юрик. Утром репетировала, вечером сыграла – и на поезд. Не хотела особенно показываться. «Еще, говорит, ничего не добилась». Но она добьется. Голос золотой, лицо, рост. Она из нас самая честолюбивая, что ли. Но все равно, она как все мы. И она в комнате не сидит. В ее комнате – три стенки. А четвертой нет. И она выходит: «Глядите, вот как я работаю».

Маруся. Как Стаськино полное имя? Никогда не знала. (Укладывается на диване калачиком. Кладет голову Юрику на колени.)

Юрик. И я недавно узнал: Станислава Арнольдовна. Ставлю компас на Хаджибекова. Ты еще помнишь, каково учителю в классе?

Маруся. Приблизительно.

Юрик. А я тебе скажу, что Стаське – куда менее страшно. Учитель тоже, как артист, все время у зрителя на глазах. Только школьный зритель об одном и думает – когда перемена. И разглядывает учителя, как в микроскоп. Хаджибеков наш из адыгейцев. Парень горячий. Физику, мало сказать, любит. Считает наукой наук. Может, он и зажжет класс, конечно. Но разве его весь зажжешь? Сердится. Однако не сдается. Все мы как на переднем крае.

Маруся. И я?

Юрик. И ты. А на переднем крае строго. Народ мы обыкновенный. Может, умрем, и никого не вспомнят, кроме Стаськи разве. Но мы подобрались все как один – добросовестные. А на добросовестных мир держится. Вспомни – кем мы были? Война наших близких растоптала. Сидим в темноте маленькие в интернате, поем, как голосим. А к чему привело – научились петь и прославились пением своим на всю область. И ты научишься, как на свете жить.

Маруся. Научусь?

Юрик. А как же может быть иначе?

Маруся. Как ты угадал, что мне надо помочь? Что именно мне надо сказать?

Юрик. Любовь научила.

Маруся. Любовь – дело недоброе.

Юрик. Не говори глупости, девчонка. Ты только начала любить. Любовь это... Дверь открывается, и входит **Сережа**. Маруся и не думает поменять положение. Ни признака смущения на ее лице. Не двигается и Юрик. Только Сережа невольно делает шаг назад.

Ты что думаешь – я у тебя жену отбиваю? Нет, к сожалению. Ее не отобьешь.

Маруся. Юрик, не барахли. Сережа, хочешь чаю? Там Валя на кухне занялась хозяйством.

Юрик. Пойду помогу.

Бережно приподнимает Марусину голову. Маруся встает. **Юрик** уходит.

Маруся. Ну, Сережа? Как будет у нас сегодня? Буду я как бы пустым местом? Или ты будешь меня учить? Или примешься говорить о глупости женщин вообще? Сегодня я сказала Юрику: любовь – дело недоброе. Вот я чему научилась!

Сережа. Не умею я разговаривать на подобные темы.

Маруся. Ну что ж, давай опять молчать. Лишь бы не кричать.

Сережа. Постой. Не уходи. Пожалуйста. У меня не ладится работа, а когда не ладится – я на всех бросаюсь.

Маруся. Почему же ты мне не сказал?

Сережа. Я ничего тогда не вижу. И ничего не понимаю. Я знаю, что нет дела подлее, чем вымещать несчастья на невиноватых, на своих, на тех, кто послабей, на тех, кто любит и терпит. И... говорить, так все говорить – сейчас вдруг я понял, как ты мне дорога.

Маруся. Правда?

Сережа. Меня вдруг как пронзило сейчас. Я... Ну, понимаешь, почудилось мне, что я оттолкнул тебя. Сейчас почудилось. Когда я вошел в комнату.

Маруся. Мы вспоминали друзей, школу...

Сережа. Я понимаю. Я ничего не говорю. Но... Воздух не замечаешь. Отними – заметишь. Я, Маруся, без тебя не могу жить. Задохнусь. Помни это. Терпи меня.

Маруся. Сереженька!

Сережа. Обещаю тебе. Слово даю. Никогда. Никогда больше не обижу тебя. Никогда! Никогда в жизни!

Картина пятая

На занавесе с календарем стоит: 10 января. Календарь исчезает. Декорация та же, столик в углу. **Маруся**, облокотившись о столик, забравшись с ногами в кресло, заткнув ладонями уши, склонилась над учебником. Входит **Сережа**. Он мрачен. Увидев Марусю, мрачнеет еще больше.

Сережа (громко). Маруся!

Маруся не слышит.

Маруся!

Маруся (вздрагивает). Сережа! А я и не слышала, как ты вошел... Здравствуй.

Сережа. Слушай, Маруся! Сколько раз я просил тебя не сидеть с ногами в кресле! Маруся медленно выпрямляется. Не сводя глаз с мужа, послушно спускает ноги на пол.

(Обиженно. Нет, в самом деле... Это странно даже. Говоришь, говоришь, говоришь – и все напрасно. Ты вся перегибаешься, когда сидишь так с ногами. Добьешься искривления позвоночника. И уши затыкаешь... Это тоже вредно... Зачем ты это делаешь?

Маруся. Я ведь объясняла тебе, Сережа, что в общежитии привыкла так сидеть. Там с пола сильно дуло, а соседки шумели. Вот я ноги, бывало, подберу, уши заткну и учу. Понимаешь?

Сережа. Отказываюсь понимать. Говоришь тысячу раз, миллион раз, – а ты упорно, сознательно, умышленно делаешь по-своему. Да, да, умышленно. Нет у меня другого объяснения.

Маруся. Не надо, Сережа.

Сережа. Что не надо? О тебе же забочусь.

Маруся. Не надо заботиться обо мне так свирепо.

Сережа. Не понимаю. Рассуждай логически. Меня беспокоит твое здоровье, тут не обижаться надо, а благодарить!

Маруся. Спасибо, Сережа. Но... но ты не слышал историю о таком же заботливом муже? В городе была эпидемия брюшного тифа. И вот жена выпила сырой воды, а заботливый муж застрелил ее за это. И оправдывался потом: «Я для ее же здоровья. Нельзя пить сырую воду. Опасно».

Сережа. Не похоже.

Маруся. Рассуждай логически, и ты увидишь, что очень похоже. (Умоляюще.) Иди, Сереженька, прошу тебя, иди умойся, переоденься, а я тебе дам чаю. Прошу тебя. Потом поговорим.

Сережа уходит, сердито пожав плечами. Маруся подходит к куклам.

Нет, это мы еще не поссорились! Я поспорила с ним, и только. Я не могла больше молчать. Это уже рабство. Я устала. У меня послезавтра зачет... (Накрывает на стол.) Голова даже кружится, так я устала. Это уже рабство успокаивать его, успокаивать. Уже целую вечность я что-то налаживаю, улаживаю, скрываю от всех. Это рабство. У него опыт по испытанию новых шлакоблоков... Но ведь я-то не виновата. Идет. Нет, мы еще не поссорились... Заговорю с ним как ни в чем не бывало. Он мучается. Он сам не рад.

Входит **Сережа**. Маруся взглядывает на него внимательно и ласково.

Сережа (отчаянно). Что, что, что тебе надо?!

Маруся. Опомнись ты!

Сережа. Шагу не могу ступить, когда прихожу домой. Смотрят все! Смотрят, видите ли! Нарочно выводят из себя, а потом смотрят!

Маруся. Кто?

Сережа. Вы все!

Маруся. А почему ты говоришь обо мне во множественном числе?

Сереза. Потому что потому!

Маруся. Умоляю тебя, замолчи! Ты так страшно меняешься, когда кричишь.

Сереза. А ты не доводи меня до этого.

Маруся. О, как это глупо, как страшно глупо, как во сне. Когда тебя нет дома, я хоть немного стараюсь это смягчить. Делаю вид, что все у нас смешно, да и только. Шучу над этим. С куклами разговариваю об этом. А как услышу твой крик... Ведь это ни на что не похоже! Позор. Как ты можешь так на меня кричать? Как в трамвае. Как в очереди... И это ты, Сереза, которым я горжусь! Которым все его друзья гордятся!

Сереза. Избавьте меня от рассуждений на эту тему.

Маруся. А почему избавить, Сереза? Здесь нет никого, только мы с тобой. Тебе только кажется, что наш дом...

Сереза. Дом! Домишко! Домишечко! Как будто это самое главное на свете!

Маруся. Не самое главное, но все-таки важное. Семья...

Сереза. Замолчи! Не могу слышать, когда ты своими куриными мозгами пытаешься еще и философию разводить. Довольно кудахтать!

Маруся быстро выходит из комнаты.

Пусть! Ладно! Пусть все летит! Сдерживаться, удерживаться, стараться, когда сегодня весь мой опыт рухнул! Пусть все летит! Ничего не хочу слышать, ничто меня не удержит, и я наслаждаюсь этим! Я в бешенстве. Нельзя же, в самом деле... Но... все-таки я, кажется, уж слишком... Я... я выругался, и она сжалась вся. Ужас какой! Она вся сжалась... Как будто я ударил ее. Да, в сущности, так оно и есть. Я негодяй. Я хуже чем ударил ее. Я перебирал, перебирал и выбрал самое оскорбительное. Она сжалась вся! Я негодяй! Она сжалась вся! (Зовет.) Маруся! Маруся!

Маруся появляется в дверях, в комнату не входит.

Маруся... Я... Мы... мы чай будем пить сегодня?

Маруся не отвечает.

Я сегодня пообедать не успел.

Маруся (тихо и жалобно). Ужин на плите.

Сереза. Я... Мы... Давай ужинать вместе.

Маруся. Никогда этого больше не будет!

Сереза. Чего не будет?

Маруся. Не хочу ужинать с тобой. Ничего не хочу. Я думала тебя своим терпением образумить, а ты совсем распустился. Ты не настоящий человек.

Сереза (улыбается добродушно). В первый раз в жизни ты меня выругала.

Ну и молодец! Теперь, значит, мы квиты. Идем ужинать.

Маруся. Никуда я с тобой не пойду. Ты очень плохой человек. Никто не виноват, что ты какие-то жалкие опыты поставил, а они у тебя проваливаются!

Сергея (потемнел). Не говори о том, чего не понимаешь!

Маруся. Неудачника всякий может понять. Размахнулся не по силам. Сколько ни скандаль дома – талантливей не станешь!

Сергея (кричит). Замолчи!

Маруся. Кричи сколько хочешь, мне все равно теперь. Все кончено! Понимаешь? Все кончено у нас с тобой!

Сергея. Ну и очень рад! Давно пора!

Маруся уходит и закрывает за собой дверь. Сергей стоит угрюмо возле занесенного снегом окна. Вдруг он распахивает форточку.

Маруся! Куда ты?

Бежит к дверям. Останавливается. Делает каменное лицо. Садится у стола. Берет книгу. В комнате темнеет. Слышно, как бьют часы раз и другой. Вдруг раздается резкий звонок. Вспыхивает свет. Сергей вскакивает. Бежит в прихожую и возвращается, сопровождаемый **высоким** длинноусым **человеком** в тулупе, шапке-ушанке, с большим портфелем в руках.

Высокий человек. Простите, Сергей Васильевич, что ночью к вам врываюсь. У нас неприятности, Сергей Васильевич!

Сергея. Садитесь, товарищ Ширяев.

Ширяев. Благодарю вас, но сидеть нам как будто некогда. Ехать надо, Сергей Васильевич, немедленно. Если к этому поезду не успеем, неизвестно, когда и доберемся. Поднимается метель. К утру непременно будут заносы. Понимаете ли, какое дело... (Понижает голос.) Ой, что же это я кричу! Супругу вашу разбудил, наверно.

Сергея. Ее дома нет. Она у подруги. Готовится к экзаменам.

Ширяев. Так поздно? Да... Все работают... Одевайтесь, Сергей Васильевич. У нас минуты считанные!

Сергея. Вы мне так и не сказали, что случилось.

Ширяев. Говорить-то неприятно... Стена поползла.

Сергея. Как поползла?

Ширяев. Поползла, Сергей Васильевич. Оседают, трещины такие, что страх! А там у нас племенной скот. Конечно, весь совхоз забегал. Старики кричат: «Вот он, ваш скоростной метод!» Позвонили мы в райком, а там посоветовали прежде всего до вас добраться.

Сергея. Где поползла стена?

Ширяев. Пока только в седьмом корпусе. Но, конечно, опасаемся за остальные.

Сережа. Так. В седьмом... Который к выгону? Который ставили после моего отъезда?

Ширяев. Вот именно.

Сережа. Ну и денек!

Ширяев. Да уж. Сильно будет мести.

Сережа. Я не к тому. Ладно! Едем! Только записку жене оставлю.

Пишет торопливо несколько слов на листке из блокнота. Кладет на Марусин столик. Выходит торопливо. Когда он захлопывает дверь, распахивается форточка, и листок сносит на пол. Темнеет. Зажигается свет. **Маруся** стоит возле кукол.

Маруся (куклам). Ушел мой дурачок. Показывает силу воли. А как хорошо бы сейчас помириться... Я так замерзла! Не могу больше сердиться. Я знаете что сделала, дети? Решила уйти от него к Юрику. Ушла, не ушла бы – не знаю, но решила. Юрик ведь не женат. Это я понимаю. Он из самолюбия говорил всем, что женат. Не хотел показывать, как он убивается, что полюбила я не его, а Сережу. Ах, зачем так вышло! Юрик такой добрый. Нет. Любовь – дело недоброе. И Юрик убивал бы меня.

Понемножку. Каждый день. А я его. Если бы стал моим мужем. Влюбленные все добрые. А мужья убивают. Понемножку. Каждый день. А я очень гордая. Что я плету? Замерзла. Устала. В голове химические формулы из учебника. Отправилась я, значит, дети, к Юрику. (Смеется.) И так все славно вышло! Вижу – сидят Валя и Юрик на площадке на окошке. На подоконнике. И разговаривают. И когда услышала, как они разговаривают, так обрадовалась, такую тяжесть с меня сняло, – нельзя к Юрику уходить, поняла я. Может, и наделала бы глупостей из гордости.

Погубила бы себя и Юрика. Не так я его люблю, чтобы уходить к нему. Не безумно. А тут вижу – сняли с меня тяжесть. Услышала я, как они разговаривают, и поняла: им, голубчикам, сейчас не до меня. И даже заплакала от радости. Шла к Юрику – как на цепи себя вела. Из гордости. И вот порвалась цепь. Вы думаете, они говорили о любви? Нет еще! Говорили про Никанора Никаноровича, про Ольгу Ивановну, про меня и Сережу, про университет, про экзамены, про Камчатку, о щенятах, об охоте, о лодках, а я стою, плачу и словно отогреваюсь от всех своих глупостей. Говорят об одном, а на сердце у них другое. Голоса ласковые, негромкие. Вот-вот поцелуются. Тут стукнула дверь, и я убежала, чтобы никто не видел, как я стою, слушаю и плачу. Что с нами? Давно ли мы с Сережей так же сидели на скамеечке и разговаривали. Что нас испортило?

Звонок.

Маруся выходит, и тотчас же в комнату врывается **Шурочка** с девочкой на руках.

Она закутана в одеяло.

Что случилось?

Шурочка. А что у нас еще может случиться? Так тревожно в доме, что Майечка до сих пор не спит, места себе не находит. Сиди, сиди. (Наклоняется к девочке.) Да чего ты шепчешь? Что? К папе? Нужны мы ему! Сиди, сиди! На вот, рисуй. (Поднимает с пола Сережину записку.) Маруся, это ненужная бумажка? Кажется, Сережиным почерком написана?

Маруся. Раз он ее бросил на пол, значит, ненужная.

Шурочка (дает девочке бумажку и карандаш со стола). Рисуй, рисуй. Что? (Наклоняется к девочке.) Большая девочка, а не знаешь что. Рисуй домики. Сережи нет. Пальто на вешалке отсутствует. Ну и хорошо. Можно во весь голос говорить.

Маруся. А что случилось у вас?

Шурочка. Что, что! Стала я бороться. Чтобы жить по-человечески. Как на работе. Понимаешь? Читать все, что есть, о любви. И посоветовала мне дура библиотечка прочесть «Анну Каренину».

Маруся. Ну почему же дура? Книга такая, что...

Шурочка. Такая, что других подобных я не читала еще! Библиотечка вообще дура. Независимо от этого совета. Папы от мамы отличить не может. Это я к слову. «Анна Каренина». Я удивляюсь – вышла такая книжка, а столько на свете сохранилось нечутких людишек! У которых нет внимания к самым близким, к семейным своим людям! Свиньи! Читала я эту книжку – сначала будто лесом шла, грибы собирала. Продираешься, продираешься, тоска! На лице паутина. Все бы бросила и домой ушла. И – ах! целое гнездо боровиков. О доме уже и не думаешь. Чем дальше, тем больше. Уже я все понимаю. Этот Стива Облонский – ну чисто наш монтер! Аккуратный, приятный, а жена с детьми высохла вся. Но это в сторону. Анна сама! Господи! И дошла я до места, которое нельзя читать: умирает Анна, а муж плачет. (Всхлипывает.) Вдруг дышит мне кто-то в ухо. Я словно с небес в лужу. Муж пришел, уставился, молчит, дышит тяжело. Это он, зануда, всегда так показывает, что мною недоволен. Глаза карие, ресницы как у звезды американской. Хлопает ресницами. Молчит. Смотрит. «Что тебе?» – «Майечка кашляет, сама в кроватку легла!» – «Ах, так! Я над своей душой работаю, а ты попрекаешь! Ты больше в ребенке понимаешь, чем я!» И пошло, и пошло. Девочка, конечно, в слезы. Не любит она этого. Бродит, бродит, не спит и взмолилась наконец: «К Марусе, к Марусе».

Маруся. Ах ты девочка моя. (Берет девочку на руки.)

Шурочка. Ну что ты тут будешь делать? Объясни мне. Куда еще идти, если такая книга, которой имени не прибрать, и та поссорила и только. Что за души у нас? И жалко мне его, тихого, и убила бы. Его молчание – хуже всякого крика. Кричишь – значит, неправ. Молчишь – выходит, твой верх.

Маруся (наклоняется к девочке). Что ты говоришь, Майечка? Опять к папе просит ее отнести.

Шурочка (грубо). Сиди, убью! Нашла разнорабочую – носить ее туда-сюда.

Маруся целует девочку и вздрагивает.

Маруся. Шурочка, она горит вся!

Шурочка. Неправда!

Маруся. И шепчет неспроста. У нее горло болит, наверное. Майечка, больно глотать? Говорит, больно. Крикни – мама! Не может!

Шурочка подбегает к дочери, хватает на руки.

Шурочка. И верно! Горит огнем. Что делать, Маруся? Ругай, ругай мужчин, а выходит, что глаз у них верный.

Маруся. Ты беги домой. Измерь температуру. И если очень высокая – вызовем неотложную.

Шурочка. Господи, помоги нам! Вот денек-то. Идем, идем, моя крошечка, моя лапушка. К папе, к папе, куда же еще. Он первый угадал, что мы больны.

Он в обиду тебя не даст. Идем, идем!

Уходят. И почти тотчас же в комнату входит **Никанор Никанорович**.

Никанор Никанорович. Мария Николаевна! Мария Николаевна, где же вы? Почему у вас дверь отперта? Что случилось, Мария Николаевна? Покажитесь, – дом без вас словно неживой!

Вбегает **Маруся**.

Ну, наконец-то! Мы, люди солидные, боимся одиночества, как дети.

Маруся. Майечка захворала, Шурочкина дочь, я у них была.

Никанор Никанорович. Мне Сережа звонил с вокзала, что уезжает...

Маруся. С вокзала?

Никанор Никанорович. Ну да, он выехал в совхоз, не на машине, а поездом.

Мне нужны материалы по его опытам. Папка в черной обложке.

Маруся. В черной?

Никанор Никанорович. Да вот же она, на этажерке. Выяснилось, что эти материалы надо отправить завтра утром на самолете в министерство. Эх, Маруся,

Маруся! (Берет папку, кладет в портфель.) Вот и все. Маруся! Нельзя же так!

Я понимаю, первая разлука, то-другое, но ведь он приедет через неделю, через десять дней. Зачем глядеть, будто он уехал навеки?

Маруся опускается в кресло, закрывает лицо руками.

Ну, ну, ну! Ну вот и здравствуйте. В отчаянье пришла, а я так ей завидую. Мне уже не с кем расставаться, некого ждать. Эх, Маруся! Если бы вы, бедняжка, знали, какая вы счастливица, глупенькая.

Свет гаснет, освещены только куклы.

Кукла. «Счастливица»! Всегда ты, Никанор, был нечуткий.

Медвежонок. Всегда несчастья начинаются с глупостей. С умного не начнется.

Кукла. Всегда несчастья начинаются с мелочей! Уж мы-то маленькие, нам видно!

Медвежонок. Что будет?

Кукла. На чем сердце успокоится?

Медвежонок. А ну, как и не успокоится? Ох, беда, беда! (Поет.)

В доме восемь на Сенной

Поселились муж с женой.

Кукла

Им бы жить да веселиться...

Медвежонок

А они – давай браниться,

А они – давай кричать...

Кукла

Об пол ножками стучать.

Оба вместе

И пришлось беднягам туго,

Не сгубили бы друг друга!

Действие третье

Картина шестая

На календаре 25 января. Он исчезает. Декорация предыдущей картины. За окнами тьма, и в комнате тьма. **Маруся**, стоя у елки, зажигает свечи.

Маруся. Вот так, дети, будет лучше. Спасибо тебе, елка, что ты не осыпалась.

Я заболела, дети. От электрического света глаза очень ломит. Горло болит. Голова болит. Пусть горят свечи. Так легче все-таки, и детство напоминает, когда болеть было приятно. А теперь очень страшно болеть Сережа-то не вернулся еще.

Две недели прошло, а он все не едет домой. Наверное, не догадывается, как я больна, сердится на меня, как на здоровую. А я очень больна. Сами знаете, как я не люблю жаловаться, а сейчас по всем телефонам звонила, на помощь звала.

И, как на грех, никого дома нет, и Шурочка у дочки в больнице. Я очень тяжело больна, дети. Вам жалко меня? Бедная я?

Кукла. Очень.

Маруся. Что ты говоришь?

Медвежонок. Очень даже.

Маруся. Вот и я так думаю. Расскажите мне вот что. Вы много на своем веку видели женатых людей?

Кукла. Много! Все наши хозяйки выросли и вышли замуж.

Медвежонок. Все повыскачители, дурочки. Мало им нас – подавай живых детей.

Маруся. И счастливы они были замужем?

Кукла. Одни счастливы.

Маруся. А другие?

Медвежонок. А о других не хочется рассказывать на ночь. У тебя жар...

Яркая зеленая вспышка за окном. Маруся вскакивает. Куклы замирают неподвижно, как неживые.

Маруся. Это троллейбус, дети, – чего вы испугались? Ну? Оживайте! Пока вы со мной разговариваете, все кажется печальным, но уютным, как в детстве, когда накажут ни за что ни про что, а потом жалеют, утешают, сказку рассказывают. Не оставляйте меня одну! Помогите мне! Очень уж трудная задача. Если бы мы ошиблись друг в друге или он меня разлюбил, а я его, как задача легко решилась бы! Мы разделились бы без остатка – вот тебе и ответ. Или будь мы дурные люди, переступи границы – отдали бы нас под суд. Наказали бы нас. Позор пал бы на наш дом, но задача была бы решена. Нет, не в том наше горе. Убивают нас беды мелкие, маленькие, как микробы, от которых так болит у меня горло. Что с ними делать? Отвечайте! Не бойтесь. Да, у меня жар, а видите, как я рассуждаю. Стараюсь. Рассказывайте о тех ваших хозяйках, что были несчастны. Ну же!

Кукла. Не могу.

Маруся. Почему?

Кукла. У меня ротик слишком маленький и хорошенький. Я могу рассказывать только приятное.

Медвежонок. Я боюсь, я мягкий, плюшевый.

Маруся. Поймите же, если я не решу, как мне жить дальше, то просто перестану жить!

Медвежонок. Ну уж рассказывай, не мучай ребенка.

Кукла. Будь по-твоему. Слушай. Звали нашу первую хозяйку Милочка, а потом превратилась она в Людмилу Никаноровну.

Медвежонок. И вышла замуж за Анатолия Леонидовича. Мужчина мягкий, обходительный.

Кукла. При чужих. А снимет вицмундир да наденет халат – беда. Все ему не по нраву.

Медвежонок. А главное – расходы. Ну, мы терпим. По мягкости. Сжимаемся. Над каждой копеечкой дрожим.

Кукла. При чужих улыбаемся. Родителям ни слова.

Медвежонок. Все мягко, бывало, лаской.

слышала уже! Никанор Никанорович рассказывал. Милочка – это его бабушка, а Леночка – тетка. Нет, нет, надо думать, думать.

Кукла. А ты потом думай.

Маруся. Что ты, что ты – потом! Я как почувствовала, что заболеваю, так скорее все прибрала и даже натерла пол. Как же можно жить, когда в квартире беспорядок? А тем более – хворать. Как можно жить, когда такой беспорядок в нашей семье? Как можно лечь да и заболеть? Это больно уж легко. Не подсказывайте. Довольно играть. Я снова Мария Николаевна. Я хочу решить задачу.

Отдаленный, едва слышный хор. Поют детские голоса.

Стойте, стойте! Кажется, я понимаю. Темнота и бесконечные вечера научили нас петь. Потому что мы были храбрыми детьми. Только бы мне выздороветь.

Справиться с болезнью – и я справлюсь с бедами, мелкими, как микробы. Научиться жить, как мы научились петь. Чтобы все было прекрасно. Только бы не забыть сказать это Сереже. Дайте мне карандаш. Нет, карандашом не записывают результаты опыта. Дайте мне ручку. Скорее! Скорее же! Мы не имеем права быть несчастными! Не то время. Мы обязаны выучиться жить, как выучились петь.

Темнеет. Когда зажигается свет, на елке свечи уже догорели. Над Марусей склонилась **Шурочка. Миша** стоит рядом, бледный и растерянный.

Шурочка. Маруся! Марусенька! Очнись. Это я, Шурочка. Не узнает. Ну что ты стоишь как пень, – мужчина ты или нет?! Звони в «скорую помощь», они мужским голосам больше доверяют, сразу прикатят.

Миша убегает.

Маруся, Марусенька! Очнись! Умоляю тебя!

Картина седьмая

На календаре 27 января. Календарь исчезает. Декорация та же. По темной комнате шагает из угла в угол **Сережа** с папиросой в зубах. Останавливается возле кукол.

Сережа. Ну? Чего уставились на меня своими круглыми глазами? Если уж смотрите, как живые, то и говорите, как люди. Я ведь знаю, что ее любимой игрой было делиться с вами и горем и радостью. Что рассказала она вам в тот последний вечер, когда была дома? Ну? Чего вы молчите? Думаете, я удивлюсь, если услышу ваши голоса? Нисколько не удивлюсь, – так перевернулась жизнь, так шумит у меня в голове. Ну, говорите же! Простила она меня? Или упрекала, как перед уходом из дому, той дурацкой ночью? Вы думаете, это легко: хочу вспомнить Марусю такую, как всегда, а она мне представляется осуждающей. И чужой. Помогите же мне. Расскажите о Марусе! Поговорите со мной. Не хотите? Эх, вы! (Снова принимается бродить из угла в угол. Вдруг замирает неподвижно. Вскрикивает.) Кто там?

Входит **Шурочка.**

Здравствуйте, Шурочка. Я что – дверь не захлопнул?

Шурочка. Захлопнул. Все в порядке. Они там у нас сидят, рассуждают, можно ли вас беспокоить, а я вышла, да и сюда. Шпилькой открыла ваш замок, как в ту ночь, когда не могли мы достучаться-дозвониться к Марусе. Ты погляди, погляди еще на меня зверем! Нас горе сбило в одну семью, как и следует, а ты будешь самостоятельного мужчину изображать? У жены токсическая форма скарлатины! Пенициллин не берет, а ты будешь от нас прятаться? Работать коллективно научился, а мучиться желаешь в одиночку? Ответь мне только, ответь, я тебя приведу в чувство. Ты ел сегодня?

Сереза. Да.

Шурочка. Серезенька, горе какое! У Майечки уже нормальная сегодня, а Маруся... Положение тяжелое.

Сереза. Не надо, Шурочка.

Шурочка. Не надо? Как больной зверь, в нору забираешься, – этому тебя учили?

Сереза. Меня учили держаться по-человечески. С какой стати я буду свое горе еще и на вас взваливать?

Шурочка. Нет здесь своего горя. Мы все в отчаянии. Сейчас всех сюда приведу. (Убегает.)

Сереза. Этого мне только не хватало.

Входят **Леня, Никанор Никанорович, Юрик, Ольга Ивановна, Миша.**

Шурочка. Всех, всех зовет. Садитесь. А то рассуждают: как там Сереза переживает.

Миша. Шурочка! Не надо.

Шурочка. Не надо? Ругаться надо, а прийти к человеку посочувствовать ему не надо? Садитесь.

Все рассаживаются. Длинная пауза.

Ну так и есть... Опять я глупость сделала. Но ведь надо что-то делать. Я думала, сойдемся все вместе, легче станет, а мы стесняемся, да и только.

Сереза. Нет, я вам рад. Никанор Никанорович, не смотрите на меня как виноватый. И ты, Леня, не снимай очки. И вы, Ольга Ивановна, вы тоже. Я всем рад. Правда.

Шурочка (Мише). Ну, кто был прав?

Ольга Ивановна. Что сказал доктор?

Сереза. Ничего нового не сказал. В инфекционное отделение не пускают. Но он мне велел прийти к двенадцати часам. Он к этому времени приедет к Марусе. И если... найдет нужным, то, в нарушение всех правил, пустит меня к ней... попрощаться. (Швыряет чернильницу на пол.)

Ольга Ивановна. Орлов, спокойнее.

Сереза. Я по глупости, по дикости, по невоспитанности свое счастье убил.

Ольга Ивановна. О чем вы, Сереза?

Сергея. И вы не понимаете! О себе, о Марусе. О том, что все последнее время я вел себя как самодур. Я видел, как она прячет от всех, что у нас делается. Видел, как трогательно, умно, самоотверженно пробует превратить меня в человека, привести в чувство, и еще больше куражился.

Никанор Никанорович. Не верю, что так было.

Сергея. Сам не верю, но превращался в тупое и упрямое чудовище, когда возвращался домой. И вы подумайте: как бы я ни был утомлен, сердит, нездоров, – когда я сажусь за работу в бюро или в институтской лаборатории, то сразу беру себя в руки, отбрасываю все, что мешает мне думать, делаюсь человеком. А дома... И она заболела из-за меня. Выбежала в горе, в отчаянии, усталая на улицу и...

Никанор Никанорович. Ну уж в этом не к чему себя винить.

Сергея. Не к чему? Попробуйте совесть логически успокоить.

Леня. Это случайность.

Сергея. Не верю. Ну хорошо, пусть. Не случилось бы этого несчастья, я все равно убил бы ее.

Леня. Что ты, что ты!

Сергея. А разве нет? Скажи честно. Хуже, чем убил бы. Изуродовал бы. Превратил бы в несчастную женщину. А она умела быть счастливой. От нее, кроме радости, ничего люди не видели. Эх... Ничего тут не объяснишь... Который час?

Леня. Половина десятого.

Сергея. Не могу я дома сидеть. Я в больницу поеду.

Юрик. Доктор велел к двенадцати...

Сергея. Подожду там, где-нибудь в сторонке. Все-таки ближе. До свидания.

Никанор Никанорович. Вместе выйдем.

Сергея. Нет, пожалуйста, не уходите! Мне легче будет вернуться домой. Леня, не пускай их! Если вам работать нужно, Никанор Никанорович, то пожалуйста! Вот здесь, за столом. Тут и тепло и светло. Не уходите, Ольга Ивановна!

Ольга Ивановна. Не уйдем.

Сергея. Ну вот и хорошо. Вот и все. Я не прощаюсь.

Уходит. Слышно, как захлопывается за ним входная дверь. Длительное молчание.

Леня. Ишь ты, как печка нагрелась!

Юрик. Так я и знал, что мы о чем угодно заговорим, только не о том, что всех нас мучит.

Леня. Ничего умного не скажем мы с тобой об этом. Так уж лучше помолчать.

Картина восьмая

Вестибюль больницы. **Гардеробщик** читает газету. Поднимает голову на шум открываемой двери. Видит **Сергею**. Кивает головой понимающе.

Гардеробщик. Не дождался до двенадцати? Понятно. Присаживайтесь!

Сереза садится на скамью возле гардеробщика.

Понятно, что не дождался. Доктор тоже не дождался. Уже с полчаса как тут.

Приехал – и прямо к ней, к больной Орловой. Молодой доктор. Упрямый. Да ты слушай, что я тебе говорю! Я для твоей же пользы!

Сереза. Я слушаю.

Гардеробщик. Молодой доктор. К смерти не привык, не смирился. Сердится, тягается с ней, зубами даже скрипит! Сейчас я позвоню ему. Он приказал доложить, когда вы придёте. (Берет телефонную трубку.) Двадцать семь. Лев Андреевич? Это я говорю. Муж больной Орловой прибыл. Понимаю. Понимаю. (Вешает трубку.) Приказывает подождать. Вот и хорошо. Раз не пускают – значит, все идет нормально. Без перемен. (Удаляется в глубь раздевалки и возвращается с белой фаянсовой кружкой. Протягивает ее Серезе.) Выпейте чаю! Выпей! Может быть, долго ждать. Возможно, до утра просидим мы с тобою тут. Выпейте.

Сереза повинуется.

Вот и молодец! Я тебя дурному не научу, а научу вот чему. Ты не отчаивайся, не надо. Вот посмотри на меня – живу? Так? А мне еще семи дней не было, когда бросили меня в речку. А кто? Как вы думаете? Родная моя мать. Такое было село большое торговое, называлось Мурино. И родился там я, как говорилось в те времена, незаконный. Так... Мать моя – а ей было, бедной, всего семнадцать лет – взяла меня на руки и пошла, мужчиной поруганная, родными проклятая, соседями затравленная. Отлично. Идет она. Плачет. И дошла до речки Белой. И бросила меня, ребенка, в омут. А одеяльце ватное раскрылось и понесло меня по воде, как плотик. А я и не плачу. Плыву. Головку только набок повернул. Отлично. И как увидела это моя мать, закричала она в голос – заметь, это в ней душа очнулась, – закричала она и бросилась в речку. Но не с тем, чтобы погибнуть, все разом кончить, а с тем, чтобы маленького своего спасти. А плавать-то как она плавала? По-лягушечьи или по-собачьи. Спорта ведь тогда не было. Схватила она меня, бьется в омуте, а сил-то нету. Красиво? Бывает хуже? Мать и сынишка по глупости людской, по темноте тогдашней в омуте пропадают, крутятся. Конец всему? Да? Ты слушай меня. Вы меня слушаете, товарищ Орлов?

Сереза. Да.

Гардеробщик. Ехал на дрожках из города Тарас Егорович Назаренко, царство ему небесное, золото, а не человек. Едет он вдоль Белой... Что такое? Птица в омуте бьется? Нет, не птица, Боже мой, Господи! Бросился он в воду, мать за косы, меня за ручку, вытащил нас да к себе в избу, на огороды. И года не прошло, как женился он на маме моей. И хоть потом свои у них дети пошли, я был у него всегда на первом месте. Вот как он пожалел нас. Замечаешь, как все обернулось, внучек? Любовь

меня в омут бросила и из омута спасла. И жизнь я прожил, и в гражданскую дрался, и потрудился, и сыновья у меня в люди вышли, и дочери, и внуки. И все меня, друг, к себе жить зовут, но мне обидно от работы отказываться. Взял себе нетрудное место и служу, и все со мною считаются. А началось как? Понял ты, к чему я это говорю? Вы меня слушаете?

Сережа. Да.

Гардеробщик. Все может обернуться. Раз не пускают, раз Лев Андреевич не звонит еще, можно надеяться! И я тебе еще такой пример приведу...

Звонит телефон. Старик взглядывает исподлобья на Сережу. Протягивает руку к трубке – и отдергивает, будто она раскалена. Звонок. Старик берет трубку.

Слушаю вас. Да, Нина Марковна, был пакет, а как же. Я расписался и передал его Гале. Наверное, у вас на столе он и лежит. (Вешает трубку. Улыбаясь.) Вот ведь... страх какой. О чем это я? Ах, да...

Звонит телефон.

(Снимая трубку, весело. Да, Нина Марковна? (Потемнев.) Так... Понимаю, Лев Андреевич! Передадим, Лев Андреевич. Понимаю. (Вешает трубку.) Снимайте ваше пальто, надевайте халат. Доктор вас требует наверх, к больной.

Картина девятая

Палата в инфекционном отделении. Узенькая больничная койка у стены. Под серым одеялом **Маруся**. Она необыкновенно оживлена, смотрит не отрываясь на дверь.

И когда **Сережа** входит и растерянно останавливается на пороге, она смеется тихонько, манит его к себе, указывает на стул, стоящий у койки. Сережа садится, не сводя глаз с жены. Маруся протягивает ему обе руки. Сережа вдруг склоняется низко, прячет лицо в ее ладонях.

Маруся (ласково и снисходительно, как маленькому). Ну, что ты? Ты испугался? Да, Сережа? Жили, жили, и вдруг больница... Да? Носилки, халаты, лекарствами пахнет. Вот что у нас делается теперь. Да, Сережа?

Сережа не отвечает. Маруся освобождает тихонько одну руку, гладит Сережу по голове.

Ты обедал? Кто тебя кормит? Сам? А посуду вымыл? Да? Ну, умница. Ты утром приехал? Я сразу почувствовала. Что ты говоришь?

Сережа (едва слышно). Прости...

Маруся. За что? Я обижалась только, что уехал ты, а записки не оставил. Оставил? А я не нашла, бедненькая. Не везло нам в тот вечер. Что? Почему ты так тихо говоришь, а? Ну, как хочешь. Сейчас... Я отдохну и еще тебе что-то скажу.

Маруся откидывается на подушки, дышит тяжело. Сережа смотрит на нее с ужасом.

Не бойся. Это так полагается. Такая болезнь. Я... я вдруг скарлатиной заболела... Но это ничего... Вот что худо. Я нашла решение задачи, а ручки не было. Я и не записала. И все забыла с тех пор. Но мне сначала нужно решить задачу потрудней. Поправиться. Эти маленькие... вирусы до того сильные. Хуже даже, чем наши ссоры. Мы вот помирились – и все стало ясно и чисто. А с ними не помириться. Они ничего не понимают. Вирусы. Несознательные. (Смеется.) Да улыбнись ты... Не хочешь. Что в совхозе?

Сергея. Все наладил. Они там...

Маруся. Погоди минуточку. Душит меня.

Сергея. Ты не разговаривай!

Маруся. Сейчас.

Сергея поправляет подушку, расправляет одеяло, и Маруся улыбается ему.

Мне опять стало хорошо. Правду говорю... Сядь!

Сергея садится.

Мне очень славно, особенно когда ничего не душит... Очень хорошо. Все что-то со мной возятся, все беспокоятся. Всегда я все сама, а тут вдруг все со мной... (Смеется, шепчет, косясь на дверь). Они думают, что я тяжело больна. Оставь, оставь, думают. Я не маленькая. Понимаю. Все вокруг меня шныряют, шуршат, как мышки. Правда, правда. Шепчутся чего-то... А я понимаю, как надо болеть, понимаю, не обижаюсь. Понимаю. Не обижаюсь... (Всхлипывает.) Зачем?

Сергея. Что зачем?

Маруся. Зачем начинаем мы все понимать, когда война, или тяжелая болезнь, или несчастье? Зачем не каждый день...

Сергея. Маруся, Маруся!

Маруся. Зачем? Нет, нет, ничего. Через меня как будто волны идут, то ледяная, то теплая. Сейчас опять теплая. Очень теплая. Дай водички. Ой, нет, не надо, я забыла, что глотать не могу. Но это ничего... Что я говорила? Ах, да... Записка... Очень я обижалась, даже смешно вспомнить... Стыдилась за семейную нашу жизнь. Как людям в глаза смотреть? Брысь, брысь! Ага, убежала. Кошка тут бродит на одной лапке. Это у меня такое лицо, да, Сергеа?

Сергея. Какое?

Маруся. Как у тебя. Ты всегда на своем лице мое изображаешь. Ну вот, я улыбаюсь! И ты улыбнись! Зачем губки распустил, дурачок. Не маленький. Ну вот, опять пошли шептаться по всем углам. Не обращай внимания. Не боимся мы! То ли еще видели! Верно, Сергеа? Тише! Главное, пусть видят, что не сдаемся. Серженька, маленький мой, сыночек мой, не оставляй меня! Все-таки страшно. Все-таки я больна. Не затуманивайся, не кружись! Унеси меня домой, Серженька. Ведь я вижу, как ты меня любишь! Не отдавай меня! Помоги! Не отдавай!

Маруся закрывает глаза, голова ее тонет в подушках. Сережа держит ее за руки.

Картина десятая

На календаре 30 апреля. Он исчезает. Декорация первой картины. Девятый час вечера, а комната вся так и сияет, солнечные лучи врываются в окна.

При поднятии занавеса на сцене пусто. Слышны отдаленные голоса, смех, беготня.

Особенно явствен голос **Лени**. Он разговаривает в прихожей по телефону.

«Лизочка! – кричит он. – Лизочка! Это клевета! Я не такой».

Появляются **Юрик** и **Валя**.

Юрик. Ну, все славненько. До поезда еще два часа, а все уложено, упаковано, зашито.

Валя. Я ужасно не люблю провожать!

Юрик. Вернутся.

Валя. Через два года. Обидно. Как будто бросают меня, бедную, ни за что ни про что. Вернутся друзья не такими, как уехали. Что-то изменится! Значит, расстаемся мы сегодня с ними навеки.

Юрик. Имею два возражения. Возможно, что они изменятся. Но только к лучшему!

Выстроят завод, подышат степным воздухом. А второе возражение: я-то куда не уезжаю. Поездим мы с вами по городу. Я Ленинград летом очень люблю.

На взморье отправимся. На яхте пробежимся. Не надо горевать.

Валя. Ну не буду, Юрик. Мы друзья?

Юрик. Конечно. А почему вы спрашиваете?

Валя. Мне казалось, что вы на меня обиделись.

Юрик. Что вы тогда в кино не пошли?

Валя. Да.

Юрик. Все забыто.

Валя. Ну и хорошо.

Леня (за сценой). Нет, я не один в комнате. Ага. Да. И я тоже. Очень. Еще больше. Крепко. Много раз.

Валя (кричит в дверь). Леня! Никанор Никанорович просил не занимать телефон! Ему должны из института звонить!

Леня (за сценой). Ну, до свидания! Меня зовут. Никогда не забуду, даю слово!

Валя. Еще и слово дает!

Юрик. А как же иначе?! Прощается ведь! Парень он добрый.

Входит **Леня**.

Леня. Спасибо, Валечка!

Валя. За что спасибо?

Леня. Спасла от мук расставания.

Валя. Я с удовольствием ее спасла бы от вас. (Передразнивает.) «Никогда не забуду! Даю слово!» Бедная девочка!

Леня. Эта девочка, к вашему сведению, доктор наук.

Валя. Не может быть!

Леня. Вот то-то и есть! И нечему тут удивляться. Доктора наук – тоже люди.

Входят **Никанор Никанорович** и **Сереза**.

Никанор Никанорович. А где Маруся?

Валя. Мы зашивали вместе ящик, который пойдет в багаж, а она вдруг уснула.

Сереза. Уснула?

Валя. Да! Говорит, прилягу на минуточку, и как будто утонула! Мы разговариваем, смеемся, а она спит, не слышит...

Сереза. Удивительное дело!

Никанор Никанорович. Я вам говорил, что в этой сонливости есть что-то угрожающее. Опять свалится, а мы будем охать да руками разводить! Просил я вас вызвать врача?

Сереза. Она мне запретила.

Никанор Никанорович. Надо было уговорить ее.

Леня. Замучили бедного ребенка своими заботами.

Никанор Никанорович. Нечего делать циническое лицо! Вы тоже беспокоитесь о ней.

Леня. Да! И горжусь этим! Но я не мог бы довести человека до того, чтобы он выбросил термометр в окошко!

Маруся, румяная, улыбающаяся, появляется в дверях. Никанор Никанорович не замечает ее. Маруся крадется к нему на цыпочках.

Никанор Никанорович. Ну и очень жаль, что выбросила. Я уверен, что у нее до сих пор субфебрильная температура. И, выбросив термометр, она...

Маруся обнимает Никанора Никаноровича. Целует его в затылок. Он резко поворачивается к ней.

Маруся. Не выбросила, не выбросила я термометр. Я его в комод спрятала. У меня нормальная температура. Я здорова! Взгляните на меня!

Никанор Никанорович. А что это за сонливость у вас?

Маруся. Просто я отдыхаю. Приедем, поживем на свежем воздухе, и я перестану спать.

Никанор Никанорович. Знаю я вас! Там всем работа найдется! Свяжетесь вы с геохимиками, и пропал весь отдых. Нет, напрасно вы ее берете, Сереза.

Сереза (хмуро). Боюсь я ее оставлять одну.

Звонок. **Юрик** бежит открывать.

Никанор Никанорович. Что такое? Неужели уже машины пришли?

Входит **Ольга Ивановна**.

Ольга Ивановна. Почему это до вас невозможно дозвониться? Все время, все время телефон занят. Леня небось со своими барышнями прощался?

Леня. Только с одной.

Ольга Ивановна. И на том спасибо. Эй вы, умники! Знаете, что вы забыли?

Юрик. Не представляю себе! Вместе вчера список составляли, что им брать.

Ольга Ивановна. Пока развернется там хозяйственная часть да наладится дело – чем будете Марусю кормить?

Маруся. Ольга Ивановна...

Ольга Ивановна. Тихо! До поезда еще полтора часа. Успеем исправить все. Идем! Все! Станем в магазине в разные отделы и все разом купим. Ну?!

Никанор Никанорович. Тут мне звонить должны...

Ольга Ивановна. Маруся останется. Остальные – за мной! По дороге сообразим, что купить. До свидания, дочка, не скучай...

Никанор Никанорович. До свидания, Маруся. Не стойте на сквозняке!

Юрик. До свидания, Маруся! Не забывай друзей!

Валя. До свидания, Маруся! Не усни без нас!

Сережа. До свидания, Маруся!

Леня. До свидания, сестрица!

Ольга Ивановна. Скорей, скорей! Время идет!

Все уходят, кроме Маруси. Хлопает дверь. Маруся, улыбаясь, подходит к куклам. Садится в кресло возле этажерки.

Маруся. Вот, дети, как они испугались, что я вдруг умру. Уже сколько недель, как я поправилась, а они все боятся, боятся... Прощались они со мной сейчас шутя, а у Сережи тревога в глазах. На минуту и то боится оставить меня. Если бы они знали, как я сейчас здорова и счастлива. Счастлива и здорова. Весь мир открылся передо мной. Никого мне теперь не стыдно, прятаться не надо, каждому могу смело смотреть в глаза.

Врывается вихрем **Шурочка**.

Шурочка. Марусенька, родная моя, все подстерегала я, чтобы выбрать время попрощаться без лишних глаз. Ты не бойся, я плакать не стану.

Маруся. Я не боюсь, Шурочка.

Шурочка. Они привыкли, а я еще не могу опомниться. Ты жива, жива, ты домой вернулась, а вот теперь уезжаешь. (Громко плачет.) Глупости какие! Это я не плачу, ты не нервничай, ты пойми меня. Я воспитала себя, но уж больно я горяча.

Ах, как печально, хоть песню придумывай. Пройду мимо вашей двери, а за дверью никого. Ну пусть. Все-таки есть что вспомнить. Все-таки мы не те, что были, прояснились мозги. Как-никак сделали выводы из своих ошибок. Все сделали

выводы, кроме моего Миши. Хуже нет таких людей, их ничем не возьмешь! Пользуется тем, что стала я сознательнее, и часами в библиотеке сидит. Это красиво? Чего-чего только не придет в голову, пока его дождешься. Три раза похоронишь, а девять приревнуешь. Ну, ничего. Переживем! Не забывай меня, Марусенька моя. (Взглядывает на часы.) Ох, опаздываю! Ну ладно, я с передней площадки, пусть ругаются, мне всего важнее на работу прибыть вовремя. Не забывай. Возвращайся. Не забывай! (Крепко целует Марусю. Убегает.) Маруся, улыбаясь, подходит к куклам.

Маруся. Ну, дети, вот до чего мы дошли. Все меня любят. А Сережа так со мной осторожен и внимателен, что я вот-вот избалуюсь. Вот-вот начну скучать по ссорам. Небольшим. (Смеется.) Ну ничего. Перевожусь я в другой университет. И летом на заводе, конечно, буду работать тоже, пусть Никанор Никанорович сердится. Разве можно ничего не делать, когда все работают?

Кукла. Нельзя, родная, никак невозможно!

Медвежонок. Если ничего не делать – моль съест!

Маруся. Судя по тому, что вы разговариваете, я опять уснула!

Кукла. Уснула. Но это ничего. Ты спи себе.

Медвежонок. Это здоровый сон, на пользу!

Маруся. Ну и хорошо. Я посплю, а вы меня посторожите. Вы разговаривайте, разговаривайте. Вы мне не мешаете! (Закрывает глаза.)

Медвежонок. И все-то она спит, спит, спит...

Кукла. Как ты думаешь, почему это?

Медвежонок. А ты как думаешь?

Кукла (шепотом). Я вспомнила, что Милочка когда была в ожидании Леночки, то ее тоже все в сон тянуло.

Медвежонок. Что ж, дай Бог, дай Бог.

Кукла. Тем более что эта хозяйка наша не в пример счастливее той...

Медвежонок. Дай Бог, дай Бог!

Кукла. Все к лучшему, все к лучшему! Это дело нестрашное. Сколько народу бывает у нас, сколько шумит на улице, за окнами. И ведь все родились когда-то. И ничего – славно, все благополучно.

Медвежонок. Пора, пора нам за работу. Конечно, место мы занимаем в доме хорошее, но все же второе, а не первое. При детях – оно вернее.

Кукла. И что это за семья, что за дом без детей!

Медвежонок. Конечно, ребенка вырастить не просто. Сейчас все на него любят, умиляются.

Кукла. Не успеешь оглянуться – он уже подросток, переходный возраст. Ничего не понимает, а думает, что он все понимает.

Медвежонок. Много Марусе и Сереже еще жить да переживать. Может, и поссорятся когда, и поспорят.

Кукла. Люди все-таки, а не куклы.

Маруся зашевелилась на диване.

Тише, тише!

Медвежонок. Спи, спи, мы тебе песенку споем!

Медвежонок и кукла (поют)

В доме восемь на Сенной

Жили-были муж с женой.

Им пришлось, беднягам, худо,

Но спасло от смерти чудо.

Научила их беда,

Разбудила навсегда,

Вразумило состраданье.

И на этом – до свиданья!